

МОЯ ТРУДОВАЯ ЖИЗНЬ

Разсказъ гравера, академика Л. А. Сѣрякова.

1824 -1875.

«Русская Старица» представила на своихъ страницахъ записки и воспоминанія весьма многихъ достопамятныхъ дѣятелей земли русской, прославившихъ себя на различныхъ поприщахъ служенія своему отечеству.

Большое собраніе неизданныхъ еще мемуаровъ находится въ нашемъ распоряженіи въ рукописяхъ и всѣ они постепенно появятся на страницахъ «Русской Старинны».

Но изъ всѣхъ Записокъ редакція «Русской Старинны» особенно дорожить и интересуется разсказами русскихъ самородковъ, талантливыхъ тружениковъ въ области науки, литературы или искусствъ.

Къ числу такихъ самородковъ-талантовъ принадлежитъ академикъ Лаврентій Аксеновичъ Сѣряковъ, превосходныя произведенія котораго - портреты, гравюры на деревѣ, давно извѣстны читателямъ «Русской Старинны».

Сынъ крестьянина-солдата, потомъ питомецъ баталіона военныхъ кантонистовъ, рядовой фронтальной солдатъ, потомъ пѣвчій, флейтистъ въ солдатскомъ хорѣ музыкантовъ, фельдфебель и учитель кантонистовъ, военный писарь, наконецъ, топографъ - Сѣряковъ прошелъ крайне тяжелую, вполне тернистую дорогу, прежде чѣмъ, по волѣ покойнаго императора Николая Павловича, предъ нимъ, нижнимъ чиномъ, отворились двери академіи художествъ, откуда онъ вышелъ академикомъ, первымъ и пока единственнымъ съ этимъ высокимъ званіемъ Россіи граверомъ на деревѣ. Трудомъ и талантомъ академикъ Л. А. Сѣряковъ приобрѣлъ званіе гравера Его Императорскаго Величества.

Жизнь людей, подобныхъ Сѣрякову, чрезвычайно поучительна, особенно для нашего общества, въ которомъ нерѣдко гибнутъ таланты, поѣдаемые невѣжественною средою и столь мало энергическихъ, съ твердою волею тружениковъ, готовыхъ съ полнымъ самоотверженіемъ преодолѣть житейскія невзгоды, чтобы пробиться на поприще болѣе широкое для развитія даннаго судьбою дарованія.

Въ виду этого мы убѣдили Л. А. Сѣрякова разсказать свою жизнь.

Разсказъ этотъ, стенографически записанный, передаемъ здѣсь въ той безыскусственной формѣ, какъ слышали его отъ нашего уважаемаго и талантливаго художника. Ред.

Мои родители. -Дѣтство. - Бунтъ военныхъ поселянь. -Казнь
бунтовщиковъ.
1824 -1832.

Отець мой былъ крѣпостной крестьянинъ села Холопова, Солигаличскаго уѣзда, Костромской губерніи. Онъ имѣлъ двухъ братьевъ, которые, какъ старшіе, заправляли всѣми дѣлами по своему хозяйству. Будучи предприимчивы и трудолюбивы, братья, состоя на оброкѣ, занимались торговлею желѣзомъ въ Петербургѣ. Вели они жизнь обеспеченную, можно сказать, даже богатую, пользовались доброю славою между односельцами и были на хорошемъ счету у помѣщика.

А помѣщику, - владѣльцу отца моего и его братьевъ, - господину Макавѣеву, - угодить было трудно. Это былъ представитель крайне необузданнаго крѣпостнаго произвола. Нерѣдко, на примѣръ, случалось, что онъ, за какіе-нибудь незначительные проступки, во время лѣтней жары повелѣвалъ обмазывать провинившагося крестьянина дегтемъ, обсыпалъ пухомъ и перьями и выставлялъ несчастнаго на солнцепекѣ; мухи и другія насѣкомыя роємъ налетали на страдальца. Собственноручно же бить крестьянъ, рвать бороды, какъ это однажды случилось, на примѣръ, по рассказамъ моей матери, съ моимъ дѣдушкой, у Макавѣева было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ.

Вотъ у такого-то человѣка мой отецъ и его братья были на хорошемъ счету. Впрочемъ и то сказать, вѣдь помѣщику того времени главное было -оброкъ; а они дань эту платили настолько исправно, что ихъ прозвали даже «графами»; графы эти одѣвались, впрочемъ, очень бѣдно, сѣро, поэтому и дали имъ прозвище «сѣряки»; отъ этого прозвища образовалась наша фамилія.

Съ юныхъ лѣтъ отецъ мой проживалъ въ Петербургѣ, въ мальчикахъ при желѣзныхъ лавкахъ своихъ братьевъ. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ, въ 1814 году, отправился на родину, въ с. Холопово, женился здѣсь на крестьянкѣ, моей матери, и скоро опять возвратился въ Петербургъ.

Послѣ женитьбы отецъ повелъ жизнь неладную: сталъ играть на билліардѣ, въ карты и попивалъ водочку. Староста, наблюдавшій отъ лица своего помѣщика за «оброчниками» въ Петербургѣ, донесъ барину, что-де младшій Сѣряковъ ведетъ жизнь зазорную. Отца вытребовали въ деревню и, въ примѣръ другимъ, забрили въ солдаты. Это случилось въ 1820 году.

Послѣ этого братья выдѣлили отъ себя моего отца, давъ ему 6,000 руб. асс., которые, впрочемъ, онъ получилъ не вдругъ, а по частямъ, мало по малу.

Отець поступилъ въ 3-й карабинерный полкъ гренадерскаго корпуса, и чтобы избѣжать службы въ строю, а съ нею вмѣстѣ неизбѣжныхъ тогда палокъ и затрещинъ, онъ, при опросѣ начальствомъ - не знаетъ-ли какого мастерства, назвался слесаремъ. Мастерства этого, однако, онъ вовсе не зналъ, такъ что когда понадобилось сдѣлать командиру полка замокъ съ секретомъ, то отецъ мой купилъ совершенно новый замокъ, разобралъ, и по немъ уже, какъ по модели, выполнилъ требуемый заказъ

Невеселыя воспоминанія остались у меня объ отцѣ. Онъ былъ большой кутила и при томъ буйнаго характера. Бывало, придетъ пьяный, выгонитъ насъ съ матушкой изъ избы, и если не пріютимся у кого-либо изъ сосѣдей, то мокнемъ на дождѣ, мерзнемъ на холодѣ. Вообще мы перенесли отъ него много горя. Впрочемъ, это

быль человекъ не безъ способностей: самозванецъ- слесарь, отецъ мой весьма скоро не только освоился съ этимъ мастерствомъ, но сдѣлался отличнымъ часовщикомъ; былъ даже по-своему рѣзчикомъ, такъ наприимѣрь, искусно рѣзаль буквы на стали для штампованія на солдатскихъ погонахъ шифровъ полка.

Полкъ, при которомъ отецъ состоялъ слесаремъ, двигался изъ города Бѣлева (Тульской губ.) въ городъ Жиздру (Калужской губ.). Это было 28-го января 1824 года. Отецъ и беременная мною мать слѣдовали въ обозѣ за полкомъ, въ саняхъ - розвальняхъ безъ подрѣзей. Спускаясь въ оврагъ, сани раскатились и потащили лошаденку на дно оврага; мать страшно перепугалась, упала съ саней, вскрикнула и я родился на снѣгу, на днѣ оврага. На второй день, т. е. 29-го января, на постояломъ дворѣ меня окрестили и назвали Лаврентіемъ.

Изъ Калужской губерніи 3-й карабинерный полкъ назначень былъ, въ 1827 г., подъ Старую Руссу для производства работъ по проведенію какого-то канала и для вырубкы лѣсовъ подъ расчистку полей. Черезъ годъ полкъ пришелъ въ село Перегино, Новгородской губерніи, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ и въ концѣ 1830 г. отправился въ польскую кампанію. Остался одинъ резервный баталіонъ, а при немъ и я съ матушкой, - отецъ же ушелъ вмѣстѣ съ полкомъ.

На седьмомъ году отъ рожденія я началъ учиться грамотѣ у унтеръ-офицера Остроумова. Кромѣ чтенія и письма, учитель - грамотѣй преподавалъ еще цыфирь, развивалъ своихъ питомцевъ чтеніемъ часослова, псалтири и проч.

Наступилъ весьма памятный 1831-й годъ.

13-го іюля я возвращался отъ моего учителя изъ связей¹ въ Перегино. Подходя къ селу, я замѣтилъ большую толпу народа, вооруженную топорами, вилами, глыжебойками и тому подобными орудіями. Толпа бушевала; раздавались крики, брань, угрозы; шумъ становился все сильнѣе и сильнѣе... Пробравшись кое-какъ сквозь толпу, прибѣжалъ я домой къ матушкѣ.

Надобно замѣтить, что отецъ мой, проведя молодость въ Петербургѣ, старался и жизнь вести во многомъ отличную отъ крестьянъ; такъ, между прочимъ, мы съ матушкой одѣвались не по-деревенски: наприимѣрь, вмѣсто сарафановъ, она носила платья, кофты и проч.

Лишь только явился я домой, какъ вбѣжалъ къ намъ мальчикъ, сынъ крестьянина, у котораго мы жили, и закричалъ матушкѣ:

- Марѳа Емельяновна, царская рука пришла - всѣхъ господъ бить! Надѣньте скорѣе сарафанъ, а то и васъ убьютъ!

Мы переодѣлись, и я украдкою выскочилъ на улицу.

Въ Перегинѣ жилъ одинъ изъ начальниковъ округа, штабъ - офицеръ Вонилевичъ. Бунтовщики, которые были по преимуществу не изъ нашего, а изъ другихъ округовъ, направились прежде всего къ его дому; все, что было здѣсь цѣннаго, разграбили; мебель и другія домашнія вещи разломали; наконецъ, перепились найденнымъ въ погребѣ виномъ. Скоро добрались и до самаго Вонилевича: его поволокли за ноги по щебню большой дороги, били чѣмъ попало и замертво бросили на площади у часовни.

Жена несчастнаго Вонилевича, будучи беременна, бросилась съ двумя

¹ Связями назывались деревянные казармы верстахъ въ двухъ отъ села. Л.С.

малютками въ бродъ чрезъ обмельвшую рѣку Ловать; ее провожали два крестьянина, вѣроятно, жители села Перегина; на срединѣ рѣки бѣглецы были настигнуты нѣсколькими мятежниками поселянами, которые и вытащили у ней изъ кармана 40 руб.; при этомъ несчастная такъ перепугалась, что тотчасъ же на берегу разрѣшилась отъ бремени.

Между тѣмъ мятежъ по нашей сторонѣ Ловати разгорался.

Въ числѣ прочихъ злополучныхъ жертвъ былъ офицеръ, по фамиліи Свитинъ; его страшно избили и замертво кинули въ глубокой оврагъ. Ночью проходившая по краю оврага жена горниста Минаева услышала стонъ. Прибѣжавъ домой, рассказала объ этомъ хозяину, который тотчасъ же, вмѣстѣ съ Минаевой, спустился въ оврагъ. Избитаго, обезображеннаго Свитина принесли они въ избу и оказали ему необходимую помощь. Мѣсяца черезъ два больной совершенно выздоровѣлъ.

Бывшій мой учитель, унтеръ-офицеръ, грамотѣй Остроуховъ, не избѣгъ печальной участи: избитаго, полуживаго его привязали къ столбу. Поздно вечеромъ мимо столба проходила моя матушка; замѣтивъ учителя, она тихонько его окликнула. Страдалецъ узналъ ее и чуть слышнымъ голосомъ сказалъ:

- Матушка, дай мнѣ, пожалуйста, напитокъ; у меня въ горлѣ горитъ.

- Я бы, Иванъ Ѳедоровичъ, со всѣмъ удовольствіемъ исполнила твою просьбу, - отвѣчала съ состраданіемъ матушка, - да ведь меня сейчасъ убьютъ за это; тутъ ходятъ мужичье - разбойники, головорѣзы, съ топорами и ножами.

Тѣмъ не менѣе она непременно хотѣла помочь страдальцу. Поэтому, встрѣтивъ въ толпѣ знакомаго поселянина, попросила его дать Остроухову напитокъ. Поселянинъ немедленно зачерпнулъ шапкою изъ канавы воды и утолил жажду несчастнаго. Послѣ этого Остроуховъ далъ знакъ рукою матушкѣ, чтобы она къ нему подошла и сказалъ ей:

- Иди ты къ моему хозяину на квартиру, тамъ у меня на чердакѣ есть узелокъ, въ которомъ лежатъ разныя бумаги, казенныя деньги и мои собственныя².

Матушка это исполнила, и взятый узелокъ оставила у себя на храненіе. Вскорѣ затѣмъ полумертваго учителя отвязали отъ столба и одинъ крестьянинъ взялъ его къ себѣ на свое попеченіе. Оправившись, Остроуховъ прожилъ только четыре года.

Ночью бунтовщики, по большой части пьяные, расхаживали по селу, пѣли пѣсни и вообще были какъ бы въ чаду отъ совершенныхъ ими безумствъ. На каждомъ шагу встрѣчались сцены въ родѣ слѣдующей: сидитъ небольшая группа бунтовщиковъ, распиваютъ награбленное вино и закусываютъ громадными обломками сахара, забрызганными человѣческой кровью.

На второй или третій день, т. е. около 14-го іюля, повѣсили священника одного изъ приходовъ округа за ноги, внизъ головой, фамиліи его не упомяну³. Когда у этого, ни въ чемъ неповиннаго страдальца начинала изъ носу и изо рта капать кровь, его опрокидывали и держали головою вверхъ, пока не прекращалось истеченіе крови; послѣ этого опять вѣшали за ноги, и такая пытка продолжалась нѣсколько часовъ.

² Остроуховъ былъ каптенармусомъ при полковомъ цейнгаузѣ. Л. С.

³Рѣчь, кажется, идетъ о священникѣ села Коломны, Іоаннѣ Парновѣ. См. книгу «Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія» 1871 г., изд. «Русской Старины», стр. 30 и слѣд. Ред.

Въ этотъ же день бунтовщики разграбили полковой цейхгаузъ, захватили оттуда ружья, тесаки и другое оружіе. На слѣдующій день вся толпа бунтующихъ пришельцевъ удалилась изъ нашего села⁴. Многіе изъ принимавшихъ участіе въ мятежѣ начали сознавать, что поступили скверно, или, по крайней мѣрѣ, необдуманно. «Головы отрубили, а языки-то (т. е. жены и дѣти) остались», слышалось между бунтовщиками. Слышалось, повторяю, и раскаянье. Старшина въ сѣромъ кафтанѣ, съ галунами, какъ у унтеръ-офицеровъ, говорилъ моей матушкѣ:

- Да, Марѳа Емельяновна, мы такую кашу заварили, что и не расхлебать. Вѣдь мы, кажется, невинныя души-то погубили. Господь накажетъ насъ за это.

Скоро разнеслась вѣсть, что изъ лагеря приближаются резервы. Крестьяне села Перегино, которые, собственно, далеко не всѣ принимали участіе въ мятежѣ, но между коими были бунтовщики-подстрекатели изъ другихъ округовъ, съ заряженными ружьями вышли за село, на встрѣчу резервамъ, намѣреваясь вступить въ битву. Но, разумѣется, изъ этого ничего не вышло: лишь только поселяне завидѣли стройно идущія колонны солдатъ, какъ немедленно разбѣжались. Это было дней пять спустя послѣ начала мятежа.

Во время этого бунта въ одномъ нашемъ округѣ убито было 11 человекъ офицеровъ и чиновниковъ. Тѣла ихъ лежали подъ рогожами посреди села до прибытія резервовъ; похоронены они были безъ всякой церемоніи, въ простыхъ бѣлыхъ гробахъ и не на кладбищѣ, а между связями и Ловатью, на склонѣ горы.

Кромѣ убитыхъ, нѣсколько человекъ посажено было мятежниками на гауптвахту. Къ этимъ заключеннымъ матушка носила чай, разные съѣстные припасы и вообще помогала всѣмъ, чѣмъ только могла. Разумѣется, за такія услуги признательность была полная не только въ это время, но и гораздо позднѣе, отъ лицъ, большею частію ей совершенно незнакомыхъ. Такъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ бунта, матушка получила однажды подарки, присланные неизвѣстнымъ лицомъ изъ другаго округа. Вѣроятно, какой-нибудь добрый человекъ, вспомнивъ посильную помощь, полученную въ тяжелые дни отъ моей матушки, рѣшился отблагодарить ее, когда возымѣлъ къ тому возможность.

То село, откуда шель мятежъ, отстояло отъ нашего села верстъ за 15 или 20. Перегино состояло въ XII-мъ округѣ, самомъ крайнемъ изъ всѣхъ военнопоселенныхъ округовъ; здѣсь бунтъ окончился и далѣе не шель.

Вскорѣ по возвращеніи резервовъ, пришли въ наше село Донскіе казаки и немедленно начался захватъ виновныхъ и слѣдствіе надъ участниками мятежа. Меня очень интересовали казаки и ихъ отношеніе къ поселянамъ. Я хорошо ихъ помню, помню и то, что ихъ поставили на полное содержаніе обывателей. Каждому домохозяину ставилось обыкновенно во дворъ человекъ 10 или 15; казаки распоряжались въ домѣ на правахъ полныхъ хозяевъ, и поселяне съ своими семействами были у нихъ покорнѣйшими слугами; казаки приказывали колоть для себя куръ, овецъ, даже бить коровъ, и это исполнялось безпрекословно. Сядеть, бывало, казакъ обѣдать, на столъ подають огромную сковороду жаренаго картофеля.

⁴ Считаю не лишнимъ замѣтить, что въ это тяжелое время пущены были въ ходъ разные нелѣпые слухи. Такъ, мальчикъ, сынъ крестьянина, у котораго мы жили, передавалъ намъ: - Плохо дѣло, спрячьтесь въ овесъ. Нашли куль сулемы въ рѣкѣ, которымъ хотѣли отравить насъ, - вотъ поэтому и пришла царская рука. Л. С.

- Эй ты, тетка, масла-то, масла побольше! кричить казакъ.

- Что ты, родимый, посмотри, вѣдь картофель плаваетъ въ маслѣ, совсѣмъ плаваетъ, -робко замѣчаетъ хозяйка.

- Нечего разтабарывать! - кричить казакъ, расправляя усы, - тутъ нужно столько масла, чтобы я могъ коня моего напоить!

Кзаки вполнѣ разорили поселянъ въ теченіе восьмимѣсячной стоянки у нихъ по дворамъ. Во все это время, днемъ и ночью, расхаживали по селу пѣшіе и конные патрули изъ казаковъ и солдатъ для предупрежденія, чтобы не произошло какого-нибудь сговора между поселянами. Село наше было совершенно въ осадномъ положеніи.

Во время обхода патрули оказывали тоже безучастно - суровое отношеніе къ обывателямъ. Много разъ бывалъ я свидѣтелемъ такихъ, напримѣръ, сценъ: патруль изъ 5-ти или 6-ти казаковъ объѣзжаетъ село, въ это время по улицѣ бѣжить поросенокъ. Одинъ изъ казаковъ ударить нагайкою лошадь и съ пикою наперевѣсь полетитъ за поросенкомъ, секунда - и поросенокъ на пикѣ. Казакъ везетъ добычу къ себѣ на квартиру и приказываетъ изготвить кушанье.

Въ то время, какъ происходила экзекуція, то есть стоянка казаковъ по дворамъ поселянъ, продолжались поимки и аресты поселянъ - участнйковъ въ мятежахъ. Виновныхъ отыскивали легко. Призовутъ, бывало, старшину, тотъ и долженъ указать бунтовщиковъ. Старшина называлъ нѣсколькихъ лицъ; оговореннымъ давали очныя ставки. Тѣ путались въ своихъ объясненіяхъ, уличали другъ друга и при этомъ оговаривали другихъ.

Такимъ ооразомъ. виновныхъ въ нашемъ округѣ оказалось около 300 человекъ. Въ связяхъ квартиры убитыхъ штабъ - офицеровъ, оберъ - офицеровъ, докторовъ и другихъ лицъ обращены были въ арестантскія тюрьмы, въ окна вставили желѣзныя рѣшетки. Въ эти временныя тюрьмы, въ деревянныхъ тяжелыхъ колодахъ, были разсажены арестованные. Охраняли ихъ казаки и солдаты резервовъ, потомъ присланъ былъ еще баталіонъ солдатъ, кажется, изъ Петербурга.

Обвиняемые, сколько помню про нашъ округъ, просидѣли въ тюрьмахъ до великаго поста 1832 г., въ томительномъ ожиданіи окончательнаго рѣшенія своей участи. Наконецъ, участь эта была рѣшена: однихъ приговорили къ наказанію кнутомъ на такъ называемой кобылѣ, а другихъ - къ прогнанію шпицрутенами.

Я живо помню эти орудія казни. Кобыла - это доска, длиннѣе человѣческаго роста, дюйма въ 3 толщины и въ полъаршина ширины; на одномъ концѣ доски вырѣзка для шеи, а по бокамъ - вырѣзки для рукъ, такъ что, когда преступника клали на кобылу, то онъ обхватывалъ ее руками, и уже на другой сторонѣ руки скручивались ремнемъ; шея притягивалась также ремнемъ, равно какъ и ноги. Другимъ концомъ доска крѣпко врывалась въ землю наискось, подъ угломъ.

Кнутъ состоялъ изъ довольно толстой и твердой рукоятки, къ которой прикрѣплялся плетеный кнутъ, длиною аршина полутора, а на кончикъ кнута навязывался 6-ти или 8-ми вершковый, въ карандашъ толщиной, четырехгранный сыромятный ремень.

Что же касается до шпицрутеновъ, то я вполнѣ ясно помню, что два экземпляра ихъ, для образца, были присланы (какъ я позже слышалъ) Клейнмихелемъ въ канцелярію округа изъ Петербурга. Эти образцовые шпицрутены были присланы, какъ по- томъ мнѣ рассказывали, при бумагѣ, за красною печатью,

при чемъ предписывалось изготовить по нимъ столько тысячъ, сколько потребуется. Шпицрутень - это палка, въ діаметрѣ нѣсколько менѣе вершка, въ длину -сажень; это гибкій, гладкій лозовый пруть. Такихъ прутьевъ для предстоящей казни бунтовщиковъ нарублено было безчисленное множество, многіе десятки возовъ.

Наступило время казни. Сколько помню, это было на первой или на второй недѣлѣ великаго поста. Подстрекаемый дѣтскимъ любопытствомъ (мнѣ шель 9-й годъ), я бѣгалъ на плацъ, лежащій между штабомъ и церковью, каждый день, во все время казней. Морозы стояли въ тѣ дни самые лютые.

На плацу, какъ теперь вижу, была врыта кобыла; близъ нея прохаживались два палача, парни лѣтъ 25-ти, отлично сложенные, мускулистые, широкоплечіе, въ красныхъ рубахахъ, плисовыхъ шароварахъ и въ сапогахъ съ напускомъ. Кругомъ плаца разставлены были казаки и резервный баталіонъ, а за ними толпились родственники осужденныхъ.

Около 9-ти часовъ утра прибыли на мѣсто казни осужденные къ кнуту, которыхъ, помнится, въ первый день казни было 25 человекъ. Одни изъ нихъ приговорены были къ 101-му удару кнутомъ, другіе - къ 70-ти или 50-ти, третьи - къ 25-ти ударамъ кнута. Приговоренныхъ клали на кобылу по очереди, такъ что въ то время, какъ одного наказывали, всѣ остальные стояли тутъ же и ждали своей очереди. Перваго положили изъ тѣхъ, которымъ было назначено 101 ударъ. Палачъ отошелъ шаговъ на 15 отъ кобылы, потомъ медленнымъ шагомъ сталъ приближаться къ наказываемому; кнутъ тащился между ногъ палача по снѣгу; когда палачъ подходилъ на близкое разстояніе отъ кобылы, то высоко взмахивалъ правою рукою кнутъ, раздавался въ воздухѣ свистъ и затѣмъ ударъ. Палачъ опять отходилъ на прежнюю дистанцію, опять начиналъ медленно приближаться и т. д.

Наивно - дѣтскими, любопытными глазами слѣдилъ я за взмахами кнута и взглядывалъ на спину казнимыхъ: первые удары дѣлались крестъ на крестъ, съ праваго плеча по ребрамъ, подъ лѣвый бокъ, и съ лѣва на право, а потомъ начинали бить вдоль и поперекъ спины. Мнѣ казалось, что палачъ съ перваго же раза весьма глубоко прорубалъ кожу, потому что послѣ cadaго удара онъ лѣвою рукою смахивалъ съ кнута полную горсть крови. При первыхъ ударахъ обыкновенно слышенъ былъ у казнимыхъ глухой стонъ, который умолкалъ скоро; затѣмъ уже ихъ рубили какъ мясо. Во время самаго дѣла, отсчитавши, на примѣръ, ударовъ 20 или 30, палачъ подходилъ къ стоявшему тутъ же на снѣгу полуштофу, наливалъ стаканъ водки, выпивалъ и опять принимался за работу. Все это дѣлалось очень, очень медленно. При казни присутствовали священникъ и докторъ. Когда наказываемый не издавалъ ни стона, никакого звука, не замѣчалось даже признаковъ жизни, тогда ему развязывали руки и докторъ давалъ нюхать спиртъ. Когда при этомъ находили, что человекъ еще живъ, его опять привязывали къ кобылѣ и продолжали наказывать. Подъ кнутомъ, сколько помню, ни одинъ не умеръ (помирили на второй или третій день послѣ казни); между тѣмъ каждый получилъ опредѣленное приговоромъ число ударовъ.

Но ударами кнута казнь не оканчивалась. Послѣ кнута наказаннаго снимали съ кобылы и сажали на барабанъ; на спину, которая походила на высоко вздутое рубленное мясо, накидывали какой-то тулупъ. Палачъ бралъ коробочку, вынималъ изъ нея рукоятку, на которой сдѣланы были буквы изъ стальныхъ шпилекъ въ 1/2 дюйма длины; шпильки эти изображали, помнится, букву К и еще какія-то буквы. Палачъ, держа рукоятку въ лѣвой рукѣ, приставлялъ штемпель ко лбу несчастнаго, затѣмъ правой рукою со всего розмаху ударялъ по другому концу рукоятки; шпильки

вонзались въ лобъ и, такимъ образомъ, получалось требуемое клеймо; такимъ же приѣмомъ быстро высѣкались буквы на обѣихъ щекахъ. Послѣ отнятія клейма, изъ ранокъ сочилась кровь; палачъ затираля кровавыя буквы какимъ-то порошкомъ, чуть-ли ни порошкомъ, такъ что въ каждой прорѣзи оставался черный слѣдъ. Такимъ образомъ получался знакъ, который въ послѣдствіи, какъ я слышалъ, дѣлается совершенно бѣлымъ и не можетъ уничтожиться очень долго, во всю жизнь. Казнь кнутомъ продолжалась до сумерекъ и во все это время били барабаны.

Наказаніе шпицрутенами происходило на другомъ плацу, за оврагомъ. На эту казнь я бѣгалъ по нѣсколькимъ разамъ въ день въ теченіи двухъ недѣль; холодно, устану: сбѣгаю домой, отогрѣюсь, и опять прибѣгу. Музыка, видите-ли, играла тамъ цѣлый день - барабанъ да флейта - это и привлекало толпу ребятишекъ.

На этомъ плацу, за оврагомъ, два баталіона солдатъ, всего тысячи въ полторы, построены были въ два параллельныхъ другъ другу круга, шеренгами лицомъ къ лицу. Каждый изъ солдатъ держалъ въ лѣвой рукѣ ружье у ноги, а въ правой - шпицрутень. Начальство находилось по срединѣ и по списку выкликало - кому когда выходить и сколько пройти круговъ, или, что тоже, получить ударовъ. Вызывали человекъ по 15 осужденныхъ, сначала тѣхъ, которымъ слѣдовало каждому по 2,000 ударовъ. Тотчасъ спускали у нихъ рубашки до пояса; голову оставляли открытою. Затѣмъ каждого ставили одинъ за другимъ, - гуськомъ, такимъ образомъ: руки преступника привязывали къ примкнутому штыку такъ, что штыкъ приходился противъ живота, причѣмъ, очевидно, впередъ бѣжать было уже невозможно; нельзя также и остановиться или попятиться назадъ, потому что спереди тянуть за прикладъ два унтеръ - офицера. Когда осужденныхъ устанавливали, то подъ звуки барабана и флейты они начинали двигаться другъ за другомъ. Каждый солдатъ дѣлалъ изъ шеренги правой ногой шагъ впередъ, наносилъ ударъ и опять становился на свое мѣсто. Наказываемый получалъ удары съ обѣихъ сторонъ, поэтому, каждый разъ голова его, судорожно откидываясь, поворачивалась въ ту сторону, съ которой слѣдовалъ ударъ. Во время шествія кругомъ, по зеленой улицѣ, слышны были только крики несчастныхъ: «братцы! помилосердуйте, братцы, помило сердуйте!»

Если кто при обходѣ круговъ падалъ и далѣе не могъ идти, то подѣзжали сани, розвальни, которыя везли солдаты; клали на нихъ обезсиленнаго, помертвѣвшаго и везли вдоль шеренгъ; удары продолжали раздаваться до тѣхъ поръ, пока несчастный ни охнуть, ни дохнуть не могъ. Въ такомъ случаѣ подходилъ докторъ и давалъ нюхать спирту. Мертвыхъ выволакивали вонъ, за фронтъ.

Начальство зорко наблюдало за солдатами, чтобы изъ нихъ кто-нибудь не сжалился и не ударилъ бы легче, чѣмъ слѣдовало.

При этой казни, сколько помню, женщинамъ не позволялось присутствовать, а, по приказанію начальства, собраны были только мужчины, въ числѣ которыхъ находились отцы, братья и другіе родственники наказываемыхъ. Всѣмъ зрителямъ довелось пережить страшные, едва-ли ни болѣе мучительные часы, чѣмъ казнимымъ. Но мало того. Были случаи, что между осужденными и солдатами, ихъ наказывающими, существовали близкія родственныя связи: братъ бичевалъ брата, сынъ истязывалъ отца...

Наказанныхъ развозили по домамъ обывателей на саняхъ, конвоируемыхъ нѣсколькими казаками. Надобно замѣтить, что такъ какъ всѣхъ 300-тъ человекъ, наказанныхъ въ одномъ только нашемъ округѣ, въ лазаретъ помѣстить было нельзя,

то для нихъ отведены были нѣкоторыя избы поселянь. Сюда уже беспрепятственно ходили всѣ родные, приносили больнымъ съѣстные припасы и водку для обмыванія ранъ: водка предохраняла раны отъ гніенія.

Ни одному изъ наказанныхъ шпицрутенами не было назначено, какъ мнѣ потомъ рассказывали, менѣе 1,000 ударовъ; большею же частію - давали по 2, даже по 3 тысячи ударовъ; братьямъ Ларичамъ, какъ распространителямъ мятежа, дано по 4,000 ударовъ каждому; оба на другой день послѣ казни умерли. Перемерло, впрочемъ, много изъ казненныхъ; этому способствовало: недостатокъ докторовъ, отсутствіе медицинскихъ средствъ, неимѣніе хорошихъ помѣщеній, недостатокъ надлежащаго ухода за больными и проч.

Въ народѣ во все время казней и всѣхъ ихъ послѣдствій не замѣчалось никакого озлобленія, ни малѣйшаго ропота противъ начальства; говорили только: «Господь наказываетъ насъ за грѣхи».

II.

Поступленіе въ полковые пѣвчіе и въ музыканты. - Опредѣленіе въ кантонисты. - Въ полубаталіонѣ кантонистовъ во Псковѣ. - Отправка въ Петербургъ.

1832 -1843.

Осенью 1832 г. полкъ нашъ возвратился изъ польской кампаніи и скоро мѣстомъ штабъ-квартиры назначенъ былъ городъ Холмъ (Псковской губ.). Мы съ матушкой отправились въ Холмъ, гдѣ прожили только до весны слѣдующаго года, когда полкъ переведенъ былъ въ Порховъ.

Въ это время 3-й карабинерный полкъ былъ раскассированъ: первый баталіонъ поступилъ во 2-ю гренадерскую дивизію, въ полкъ принца Оранскаго, второй баталіонъ - въ Кіевскій полкъ, третій и четвертый баталіоны - въ другіе полки дивизіи. Я остался при полку принца Оранскаго. Со времени возвращенія нашего бывшаго полка изъ польской кампаніи, я носилъ форму кантониста. Затѣмъ, въ 1833 г. меня сдѣлали полковымъ пѣвчимъ и приказали ходить въ лагеря. Такъ прошло около двухъ лѣтъ.

Если не ошибаюсь, въ 1835 г., по случаю открытія памятника Александру I, 30-го августа, вся дивизія назначена была на большіе маневры подъ Красное Село. Разумѣется, и нашъ полкъ отправился туда, а вмѣстѣ съ нимъ и я. Насъ, пѣвчихъ, таскали вездѣ потому, что мы должны были пѣть въ полковой Церкви.

Наступилъ сентябрь; пошли дожди; между тѣмъ, я, какъ прежде, при хорошей погодѣ, такъ и теперь имѣлъ квартиру подъ фурую. Нечего упоминать, что на ночь ложился въ грязи, а утромъ просыпался при довольно сильномъ морозѣ, такъ что съ трудомъ отдиралась примерзшая къ грязи шинель. Въ то время дивизионнымъ командиромъ былъ генераль - лейтенантъ Полѣшко. Однажды онъ услышалъ меня поющимъ и нашель, что голосъ мой - дискантъ - очень хорошъ, вслѣдствіе чего приказалъ взять меня въ дивизионные пѣвчіе. По прибытіи полка съ большихъ маневровъ въ Порховъ, меня взяли отъ матушки и немедленно отправили по этапу во Псковъ, гдѣ былъ дивизионный штабъ. За то, что у меня оказался хорошей дискантъ, я долженъ былъ пройти по этапу 90 верстъ, вмѣстѣ съ арестантами, бѣглыми и бродягами, которыхъ вели въ кандалахъ.

Послѣ четырехдневнаго перехода явился я въ канцелярію. Здѣсь мнѣ сообщили, что пѣвчіе расположены въ деревнѣ, версть за 8 отъ города. Меня отправили туда.

Началась для меня самая неприглядная жизнь. Мнѣ шель 12-й годъ. Въ праздники и вообще, когда въ дивизионной церкви полагалась служба, я долженъ былъ являться изъ деревни къ заутрени и обѣдни. Въ этихъ случаяхъ приходилось вставать въ 2 часа ночи и тащиться 8 версть въ городъ: зимою по сугробамъ, осенью - по грязи и дождю, а лѣтомъ въ жары. Жилъ я у одного бѣднаго крестьянина, который къ тому же былъ пьяница; жена его была очень добрая женщина и меня весьма любила, вѣрнѣе сказать, - жалѣла. Въ избѣ, вмѣсто печи, находилась какая-то каменка, сложенная изъ груды камней. Бывало, въ глубокую осень или зимой затопятъ эту «печь» и уйдутъ молотить на гумно; дымомъ наполняется изба, но такъ какъ дверь всегда бывала при этомъ растворена, то врывавшійся холодный воздухъ препятствовалъ дыму достигать пола. Я спалъ обыкновенно на лавкѣ, но когда затопливали «печь», мнѣ доводилось перебираться на полъ, подъ лавку, чтобы не задохнуться дымомъ. Но и на новомъ мѣстѣ не находилъ я покоя, такъ какъ, кромѣ рѣзко холоднаго воздуха, меня стѣсняло близкое сосѣдство свиней, куръ и прочей животины. Поэтому зимою и осенью я считалъ за наслажденіе спать въ ригѣ или на гумнѣ: тамъ, по крайней мѣрѣ, животныя не тревожили; придя на гумно, я прорывалъ себѣ въ соломѣ дыру, клалъ подушку и, залѣзши туда, спалъ крѣпкимъ сномъ, нерѣдко при порядочномъ морозцѣ. Всѣхъ ДИВИЗИОННЫХЪ пѣвчихъ было 24 человекъ; для насъ, мальчиковъ - кантонистовъ, была школа, въ которой учили читать, писать и ариѳметикѣ. Сколько помню, незадолго до того времени изданъ былъ указъ, по которому стали брать въ солдаты изъ причетниковъ. Поэтому у насъ въ школѣ былъ учителемъ семинаристъ, уволенный изъ среднихъ классовъ, слѣдовательно, человекъ все-таки свѣдущій, а для насъ, солдатскихъ ребятъ, такъ и весьма образованный.

Пѣвчимъ не полагалось никакого жалованья; отпускался только провіантъ по 1 пуду 32 фун. въ мѣсяцъ, да и этотъ скудный провіантъ не доходилъ до насъ сполна; большую часть его мы обыкновенно отдавали крестьянамъ, и за это получали какой-нибудь приварокъ. Впрочемъ, пѣвчіе имѣли и нѣкоторые доходы. Такъ, въ большіе праздники, какъ Рождество Христово, Пасха, пѣвчіе ходили къ разнымъ начальникамъ, къ богатымъ купцамъ и вообще къ зажиточнымъ людямъ, и пѣли здѣсь церковно-праздничные концерты. При этомъ набирали мы иногда рублей 40 или 60 асс. Однако же изъ этихъ денегъ, собственно, мы, дисканты, получали лишь по нѣскольку копѣекъ, такъ какъ львиныя доли доставались всегда басамъ и частью тенорамъ.

Такіе доходы, очевидно, не могли обезпечить насъ настолько, чтобы жить безбѣдно. Поэтому лѣтомъ, когда по рѣкѣ Великой приходили въ Псковъ барки съ дровами, то мы занимались выгружать дрова на берегъ.

Лично о себѣ я долженъ сказать, что за скромность всѣ крестьяне въ деревнѣ меня любили; зажиточные изъ нихъ нерѣдко посылали за «Лаврешкой», чтобы онъ приходилъ обѣдать, или блины ѣсть, и т. п. Разумѣется, отъ этихъ приглашеній я никогда не отказывался.

Въ описываемое время строились во Псковѣ такъ - называемыя Красныя казармы. Предсѣдателемъ строительной комисіи былъ генералъ Полѣшко; постройка обошлась казнѣ что-то ужъ слишкомъ дорого, такъ что даже казна охнула. Донесли о какихъ-то злоупотребленіяхъ, допущенныхъ Полѣшко; наряжена

была слѣдственная. комиссія. Однажды Полѣшко ѣхалъ, чуть-ли ни для объясненій, въ эту комиссію, но его привезли мертваго: онъ, по слухамъ, отравился.

Вмѣсто Полѣшко назначень былъ ген.- лейтенантъ баронъ Розень. Лишь только онъ вступилъ въ командованіе дивизіей, какъ сдѣлалъ распоряженіе объ уничтоженіи дивизионныхъ пѣвчихъ и о зачисленіи ихъ во фронтъ. Мальчиковъ лѣтъ 16 -17-ти зачислили въ рядовые, а меня, какъ 13-ти-лѣтняго, въ полкъ - кантонистомъ. Это было въ 1836 году.

Въ полкъ, расположенный въ Порховѣ, я прибылъ опять по этапу и меня опредѣлили въ музыканты. Сначала началъ я играть на кларнетѣ; но это оказалось трудно и меня стали пріобучать къ флейтѣ. Въ слѣдующемъ 1837 г. я ходилъ уже на разводы, и къ осени игралъ марши.

Въ началѣ 1838 г. продолжалъ заниматься тѣмъ же. Но тутъ замѣтили у меня кровохарканье и посовѣтовали матушкѣ, съ которою я жилъ въ это время, чтобы она попросила объ увольненіи меня изъ музыкантовъ. Матушка обратилась къ полковому командиру Володковичу съ просьбою, чтобы меня опредѣлили въ роту, во фронтъ. Просьба была исполнена.

Во фронтѣ началось, разумѣется, ученье, шагистика, хожденіе въ карауль и т. д.

Въ это время мнѣ прибавили лишній годъ, чтобы записать на дѣйствительную службу. Хотя, такимъ образомъ, я и сталъ 16-ти-лѣтнимъ, но на дѣйствительную службу не попалъ. Дѣло въ томъ, что тутъ состоялось высочайшее повелѣніе, чтобы кантонистовъ свѣше 16-ти лѣтъ при полкахъ не держать, а отправлять ихъ въ ближайшіе баталіоны военныхъ кантонистовъ. Вслѣдствіе этого мнѣ предстояло или поступить въ военные кантонисты, или же оставаться въ полку солдатомъ. Мы съ матушкой избрали первое. Скоро, по распоряженію Володковича, приготовлены были необходимыя бумаги, и точно также по этапу меня отправили изъ Порхова во Псковъ⁵.

Въ апрѣль 1838 г. я прибылъ въ псковскій полубаталіонъ военныхъ кантонистовъ. Въ канцеляріи справились у меня, знаю- ли я грамотѣ и затѣмъ приказали написать что-нибудь; такъ какъ я былъ порядочнаго, для своихъ лѣтъ, роста и имѣлъ красивый почеркъ, то меня зачислили въ 1-ю роту и опредѣлили заниматься въ канцеляріи. Затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, меня сдѣлали снова пѣвчимъ. Такимъ образомъ я долженъ былъ заниматься въ канцеляріи, ходить на спѣвки, являться на ротныя ученья и вмѣстѣ съ тѣмъ въ классы.

Жизнь въ полубаталіонѣ военныхъ кантонистовъ проходила слѣдующимъ образомъ.

Утромъ мы должны были вставать въ пять часовъ, но вставали собственно въ три и вотъ по какой причинѣ. Полы у насъ были не крашеные, чистота требовалась необыкновенная, такъ что, бывало, если пылинку замѣтитъ начальникъ на полу, то сейчасъ же потребуетъ на лицо дежурныхъ - офицера, унтеръ-офицера, капральнаго, ефрейтора, словомъ, всѣхъ, до кого только дѣло касается, и ужъ каждому достанется за то, что оказалась на полу пылинка. Въ то время царилъ еще

⁵ Нижніе воинскіе чины пересылались обыкновенно по этапу, частью для того, чтобы они не могли убѣжать. Такихъ пересылочныхъ, въ отличіе отъ ихъ соупутниковъ воровъ и мошенниковъ - на официальномъ языкѣ называли «не въ родѣ арестантовъ». Л. С.

духъ аракеевскихъ временъ и самъ начальникъ нашъ, бригадный командиръ Анджииковъ, былъ питомецъ аракеевской школы. Полъ въ каждой камерѣ долженъ былъ содержаться поразительно чисто. Для этого въ четвертомъ часу утра приносили въ камеру нѣсколько ведеръ воды и куля два или три опилокъ. Всѣ кантонисты, проживающіе въ камерѣ, человекъ 50 - 60, вставши въ 3 часа, принимались чистить полъ такимъ манеромъ: засучивъ брюки, они становились на колѣни въ рядъ и, прижимая руками разсыпанныя по полу опилки, начинали тереть полъ. Камера была, приблизительно, сажень въ 30, и приходилось проползти ее раза четыре или пять. Работа эта трудна и вредна была особенно зимой, когда приносилась въ камеру для мытья вода холодная, со льдомъ.

Вымывши полъ, кантонисты шли умываться и одѣваться; въ 5 часовъ били подъемъ для означенія, что кантонисты встали. Послѣ подъема мы получали, въ палецъ толщиною, кусочекъ чернаго хлѣба, затѣмъ отправлялись на ученье, которое продолжалось съ 6 до 8 часовъ; потомъ до 11 ч. были классы; 12-й часъ проходилъ во фронтовомъ ученіи, затѣмъ обѣдали. Послѣ обѣда, по барабану, опять шли въ классы до 6 час. вечера; съ 6 До 8-ми фронтовое ученье; въ 8-мъ - ужинъ; 9-й часъ назначался для приготовленія уроковъ къ слѣдующему дню, наконецъ, въ 9 часовъ, послѣ зари, ложились спать.

Фронтовое ученье у насъ было вполне во вкусъ того времени: шагистика практиковалась въ три приѣма, такъ что на одной ногѣ приходилось иногда стоять очень долго, до тѣхъ поръ, пока командиръ проходилъ съ праваго фланга до лѣваго, поправляя ноги; стойка была такая, чтобы грудь выходила изъ носковой линіи. А чуть замѣчали отклоненіе отъ этой линіи назадъ, такъ сей часъ же колотили кулаками въ спину, или «наставникъ» напиралъ въ спину колѣномъ, чтобы грудь выдалась впередъ. Если это не помогало, то прибѣгали къ слѣдующимъ средствамъ: тѣхъ, у кого была мало развита грудь, на ночь клали на доску и къ ней туго на туго привязывали. До того доходило, что натопять, бывало, жарко баню, положить опять таки къ доскѣ привязаннаго, чуть ни привинченнаго кантониста и въ такомъ видѣ заставить его прѣть въ банѣ и выпрямляться.

Кантонистовъ приготовляли главнымъ образомъ въ писаря и въ учебные карабинерные полки, откуда разсылали ихъ, какъ образцы, во всѣ арміи унтеръ - офицерами. Четыре карабинерные полка составлены были преимущественно изъ кантонистовъ, т. е. изъ такихъ лицъ, которые прошли огонь и воду, потому что при обученіи ихъ почти въ буквальномъ смыслѣ допускалось возможнымъ замучить 9 изъ 10 - ти, но лишь бы этотъ одинъ, десятый, остался образцовымъ.

Такъ прожилъ я два года. Въ апрѣлѣ 1840 г. состоялся приказъ о зачисленіи меня, въ рангъ рядоваго солдата, учителемъ въ баталіонъ кантонистовъ, значить, на дѣйствительную службу. Учителя эти черезъ 19 лѣтъ получали офицерскій чинъ; они обязаны были прослужить въ званіи учителя 3 года рядовымъ и 16 лѣтъ унтеръ - офицеромъ съ содержаніемъ 12 руб. асс. въ годъ. Учитель - офицеръ получалъ 300 руб. асс. въ годъ.

Въ учителя произвели меня 18 - ти лѣтъ и произвели, быть можетъ, потому, что я довольно основательно изучилъ въ полубаталіонѣ алгебру съ геометрией и весьма недурно рисовалъ. Портретъ императора Николая, нарисованный мною французскимъ карандашомъ, висѣлъ въ классѣ долго послѣ того, какъ меня перевели въ Петербургъ. Насколько помню, портретъ этотъ нарисованъ былъ очень хорошо. Надобно замѣтить, что въ полубаталіонѣ, когда я учился, нѣкоторые изъ учителей были окончившіе курсъ въ гимназіи. По приказанію Аракеева,

нѣкоторыхъ кантонистовъ отсылали въ гимназіи, а по окончаніи курса ихъ опредѣляли въ учителя. Изъ этихъ учителей для меня достоинъ примѣчанія нѣкто Кузьминъ, учитель рисованія. Кромѣ казенныхъ рисунковъ, изображавшихъ барабаны, штыки, разныя трубы и т. под., онъ давалъ мнѣ свои литографированные рисунки - пейзажи, головки и проч.

Я былъ въ полубаталіонѣ учителемъ рисованія и ариѳметики, вмѣстѣ съ тѣмъ исправлялъ должность фельдфебеля во 2-й ротѣ и состоялъ пѣвчимъ. Дежурнымъ по полубаталіону приходилось быть черезъ день. Совмѣщеніе столькихъ обязанностей въ одномъ лицѣ дѣлало жизнь просто невыносимою. Въ самомъ дѣлѣ, на моей ответственности состояло 250 мальчиковъ, начиная съ семи лѣтъ и кончая 15 - ти лѣтнимъ возрастомъ. Уснулъ ли кантонистъ въ классѣ, не вычищены ли у кого пуговицы, разорвалось ли по шву, словомъ сказать, за все, про все отвѣчалъ я. Напримѣръ, происходили такіе случаи: на ученьи у одного кантониста лопнулъ сапогъ и сталъ видѣнъ палець. Баталіонный командиръ Якубовскій, который, впрочемъ, ко мнѣ былъ очень расположенъ, сейчасъ же призвалъ меня для представленія объясненій.

- Это что такое? кричитъ командиръ, указывая на виднѣвшійся изъ сапога палець. Чего ты смотришь?

Я молчу. Приказано было снять сапогъ и оказалось, что кантонистъ позабылъ повернуть на ноги портянки. Хотя, какъ я уже говорилъ, командиръ и любилъ меня, но, для примѣра другимъ, приказалъ принести розогъ. Это для учителя - то, исправляющаго должность фельдфебеля и проч. Принесли розги; окончилось, однако, тѣмъ, что меня на двѣ недѣли посадили въ карцеръ на хлѣбъ и воду. На моей же ответственности было до 10 тысячъ штукъ бѣлья, хранившагося въ ротномъ цейхгаузѣ; каждую недѣлю приходилось отдавать бѣлье прачкѣ и получать обратно, повѣряя все - ли въ цѣлости. Бѣда, если какъ - нибудь затеривалась казенная вещь: такъ доставалось, что вспоминать даже больно. Повторяю: я долженъ былъ расплачиваться за все.

Таже власть, которая угнетала меня, вынуждала въ свою очередь являться лютымъ начальникомъ предъ подчиненными, изъ которыхъ были нѣкоторые унтеръ - офицеры, бывали георгіевскіе кавалеры, словомъ, такія лица, которые пробыли на службѣ лѣтъ по 15, и по возрасту могли быть мнѣ отцами. Въ ротѣ было четыре капральства и капральными этими были заслуженные унтеръ - офицера. Напримѣръ, я зналъ, что баталіонный командиръ имѣлъ обыкновеніе проходить по камерамъ ночью, являясь въ неопредѣленные часы. Понятное дѣло, я старался въ этихъ случаяхъ предупредить командира; обходя камеры, замѣчаю, напримѣръ, безпорядокъ: кантонисты не спятъ, а при свѣтѣ лампы играютъ въ карты и пьютъ водку. Капральный спитъ; ну, что дѣлать? и, - отвратительно и больно вспомнить, - ударишь его въ зубы, да такъ, что иногда щеку въ кровь разобьешь. Повторяю, отвратительно вспомнить, но въ окружающей меня пошлости я не сознавалъ тогда мерзости подобныхъ поступковъ; при томъ своя-то шкура ближе; не хотѣлось мнѣ получать за нихъ наказаніе: вѣдь 200 - 300 розогъ вкатятъ самому фельдфебелю ни за что, ни про что.

Да, тяжелое было время....

Курсъ класснаго ученія равнялся, я думаю, нынѣшнему уѣздному училищу; только у насъ прибавлялись: фортификація, низшая геодезія, топографія, съемка, рекрутская служба, весь строевой уставъ, всѣ построения и т. д. Школа раздѣлялась

на 4 класса, изъ коихъ первымъ былъ классъ взаимнаго обученія. Съ него начинался курсъ, потому что много было кантонистовъ изъ деревень, много жидовъ изъ западныхъ губерній, большею частію безграмотныхъ. Практиковалась у насъ, такъ называемая, ланкастерская система обученія. Ученики становились въ кругъ, и одинъ изъ знающихъ писалъ буквы на доскѣ, а всѣ другіе писали тѣже буквы на бѣломъ пескѣ, и если въ послѣднемъ случаѣ выходило не удачно, то брали дощечку съ ручкой, сравнивали песокъ и писали снова. Обученіе шло быстро, такъ что недѣли въ двѣ - три выучивались писать.

Меня очень стѣсняло запрещеніе отлучаться хотя бы на ночь изъ роты; послѣ вечерняго рапорта, что все обстоитъ благополучно, я непременно долженъ былъ всю ночь находиться при ротѣ. Между тѣмъ, мнѣ хотѣлось видѣться съ матушкой, хотя бы послѣ зари, и хотѣ часика три отдохнуть отъ ежедневной каторги.

Однажды, когда мнѣ было какъ - то особенно грустно, я рѣшился на ночь отправиться къ матушкѣ, которая жила въ Петровскомъ посадѣ, у самага Дмитріевскаго кладбища, во Псковѣ. И такъ, послѣ зари и рапорта, я ушелъ къ матушкѣ.

Какъ на бѣду, въ эту самую ночь изъ моей роты бѣжали два правофланговые кантониста; одинъ былъ изъ бродягъ, не помнящихъ родства, а другой - какой-то латышь. Оба уже были назначены на службу въ карабинерный полкъ. Надобно замѣтить, что каждый годъ изъ департамента военныхъ поселеній присылалось въ баталіонъ росписаніе сколько кантонистовъ должно было поступить въ писаря, сигналисты и фельдшера; въ послѣднюю должность назначались по преимуществу жидаы. Вотъ двое изъ такихъ-то предназначенныхъ уже на дѣйствительную службу кантонистовъ и бѣжали въ мое отсутствіе.

Утромъ явился я въ роту; дежурный капральный уже распорядился мытьемъ половъ. Мнѣ сейчасъ же сообщили, что двое кантонистовъ бѣжали. Я -къ дежурному офицеру, объяснилъ, какъ могъ, дѣло.

- Чего же ты смотрѣлъ? Гдѣ шатался? закричалъ офицеръ.

- Виновать, -отвѣчалъ я, - я не ночевалъ въ ротѣ; но я, во что бы то ни стало, отыщу бѣглыхъ.

Это было часовъ въ пять пополуночи. Я выбѣжалъ на дворъ; морозъ стоялъ изрядный, шелъ небольшой снѣгъ. Я объжалъ кругомъ каменной стѣны и въ одномъ мѣстѣ нашель слѣдъ, оканчивающійся у самой стѣны, черезъ которую бѣглецы, очевидно, и перелѣзли. Когда я перелѣзъ въ томъ же мѣстѣ стѣну, то на тротуарѣ увидѣлъ такой же слѣдъ, ведущій къ дорогѣ. Здѣсь слѣдъ потерялся.

Съ перваго раза я не зналъ, на что рѣшиться. Но скоро, однако же, сообразилъ, что такъ какъ одинъ изъ бѣглецовъ латышь, а другой бродяга, то вѣроятно они отправились куда - нибудь по направленію къ Дерпту. Я побѣжалъ на Завеличье (часть города Пскова), поворотилъ къ Красному кресту и очутился въ полѣ. Морозъ былъ градусовъ 10, вѣтеръ дулъ рѣзкій, снѣгъ залѣплялъ глаза. Я снялъ шинель, подъ которою носить ничего не позволялось, и съ открытою грудью пустился въ путь. Мнѣ не только не было холодно, но потъ градомъ катился съ лица и мучила меня жажда, которую я удовлетворялъ на бѣгу снѣгомъ. Къ закату солнца я былъ уже въ 40 верстахъ отъ Пскова. Попадавшихся на встрѣчу крестьянъ спрашивалъ, не встрѣчались-ли имъ двое - одинъ изъ себя черноватъ, а другой бѣлокуръ? Отвѣты были утвердительные. Точно также спрашивалъ я и по

деревнямъ.

Иная деревушка верстахъ въ двухъ отъ дороги, я забѣгалъ и въ нее, прямо по сугробамъ: некогда было колесить по проселочнымъ дорогамъ.

Снѣгъ пересталъ; начинало темнѣть. Подошелъ я еще къ одной деревушкѣ и у катающихся на льду ребятишекъ спросилъ, не видали-ли они двоихъ людей, въ такихъ-то шинеляхъ?

- Нѣтъ, отвѣчали мнѣ; а вотъ тутъ проходили два швеца (портные), вонъ въ ту избу прошли.

Я тотчасъ же догадался, что это они, бѣглецы. Вошелъ въ избу и увидалъ ихъ. Одинъ занимался починкою сапога, а другой спалъ на печи. Лишь только бѣглець замѣтилъ меня, какъ схватилъ ножъ и всталъ въ оборонительное положеніе. Въ избѣ въ это время, кромѣ насъ, никого не было. Но я не испугался и крикнулъ на него по русски. Другой, слыша знакомый голосъ, тотчасъ же проснулся. Въ это время я крикнулъ кого - нибудь изъ волоковаго окна; вошли двѣ женщины, изъ коихъ одну я послалъ за сотскимъ. Скоро изба наполнилась любопытными; явился сотскій. Бѣглецамъ скрутили руки назадъ, снарядили двѣ подводы и мы немедленно отправились во Псковъ.

Когда мы въѣхали въ городъ, благовѣстили къ заутрени.

Баталіонный командиръ зналъ, что я пропалъ вмѣстѣ съ сбѣжавшими кантонистами; поэтому нѣсколько человекъ было послано уже для отысканія меня самого; опасались, чтобы съ отчаянія я какъ нибудь не покончилъ съ жизнію.

Командиръ очень обрадовался, когда я возвратился съ пойманными и благодарилъ меня. Непріятно было бы ему, если бы бѣжавшіе не отыскались, такъ какъ о бѣглыхъ доносилось государю. Ну, а меня - то, какъ не ночевавшаго при ротѣ, конечно, отдали бы подъ военный судъ.

Теперь же подъ этотъ судъ отдали бѣглецовъ: дали имъ предъ всѣми кантонистами по пяти сотъ каждому розогъ, унесли на рогожкахъ въ лазаретъ, а когда несчастные выздоровѣли, ихъ сослали въ арестантскія роты.

Не могу не сказать еще нѣсколько словъ о нашемъ бригадномъ командирѣ генералѣ Анджиговѣ. Это былъ лютей звѣрь въ полномъ смыслѣ этого слова. Идетъ, бывало по камерѣ, смотритъ пристально на полъ и вдругъ зарычитъ: «баталіонный командиръ, ротный командиръ! Это что такое? я пройти не могу!». Оказывается, что на полу лежитъ какой-нибудь камешекъ, чуть ни съ булавочную головку. Вотъ чрезъ такое-то препятствіе Анджиговъ и не могъ бывало пройти; изъ - за этого поднималъ шумъ и крикъ. Затѣмъ бригадный командиръ смотрѣлъ, какъ мы равняемся, стоя линіею у постелей. Если кантонистъ не такъ равнялся, то у генерала была привычка тотчасъ всѣми пальцами пройти по зубамъ виноватаго, и, бывало, какъ ударить крайняго кантониста праваго фланга, такъ десятокъ - другой летитъ на землю.

Все это, въ концѣ концовъ, меня ужасно возмущало, и я задумалъ, какъ бы мнѣ избавиться отъ такой каторжной жизни. Былъ у меня въ Петербургѣ, въ департаментѣ военныхъ поселеній, знакомый писарь, нѣкто Дорогихъ. Я написалъ ему, чтобы онъ показалъ тамъ мой почеркъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не было никакихъ извѣстій. На третій мѣсяць получено было предписаніе Клейнмихеля объ отправленіи меня въ Петербургъ, въ департаментъ военныхъ поселеній, въ писаря.

Это было въ 1843 году.

Я оттянулъ, такимъ образомъ, лямку въ званіи учителя почти три года; какой-нибудь мѣсяць мнѣ оставался до полученія унтеръ - офицерскихъ галуновъ. Якубовскій призвалъ меня, объявилъ предписаніе Клейнмихеля и пожелалъ счастья на новой службѣ.

Съ арестантами, по этапу, отправился я въ Петербургъ, проходя ежедневно отъ 20 - ти до 25 - ти верстъ; на продовольствіе полагалось по 6 коп. въ сутки. Но этихъ денегъ я не могъ употребить въ свою пользу. При мнѣ былъ ранецъ, въ которомъ находились всѣ казенныя вещи, выданныя на 1843 г., т. е. пара сапогъ и т. д.; да кромѣ того, своихъ вещей кой - чего было, такъ что всего набралось пуда два. Такую ношу на плечахъ нести тяжело, такъ я и отдавалъ копѣйки 2 или 3 этапному унтеръ - офицеру, для того, чтобы онъ позволилъ положить ранецъ на подводу для больныхъ арестантовъ. На остальные копѣйки покупалъ себѣ чернаго хлѣба съ солью, на привалѣ обмакивалъ его въ ручейкѣ и такъ завтракалъ, ѣдалъ и ужиналъ.

Идешь, бывало, цѣлый день по грязи, а въ избѣ на этапѣ - холодно, просушиться негдѣ, повѣсишь только портянки на Ночь у печки, чтобы онѣ немного попрѣли. На 21-й день такого похода я вошелъ въ Петербургъ, двадцатилѣтнимъ парнемъ, крѣпкимъ физически, бодрымъ духомъ. Много горя оставалось назади, и какъ ни неприглядна казалась будущность, тѣмъ не менѣе, что-то шептало мнѣ, что Господь поддержитъ мои силы и трудомъ, терпѣніемъ и энергіей я рано или поздно, но добьюсь лучшей доли

III

Служба въ писаряхъ. - Поступленіе въ топографы. - Первыя гравюры на деревѣ. - Кн. В. Ѳ. Одоевской. - Н. В. Кукольникъ. -
Опредѣленіе въ академію художествъ.

1843-1847.

По прибытіи въ Петербургъ, я прежде всего явился въ канцелярію при аракчеевскихъ казармахъ; потомъ, черезъ три дня, меня отправили отсюда въ департаментъ военныхъ поселеній, помѣщавшійся на углу Кирочной улицы и Литейнаго проспекта, гдѣ теперь главное казначейство, а на мѣстѣ нынѣшней военной гимназіи жилъ директоръ департамента, Клейнмихель. Команда департамента помѣщалась въ домѣ Лисицына, у Спаса Преображенія.

Помѣщеніе тутъ было тѣсное: кровать у кровати стояла. Нѣсколько мѣсяцевъ я долженъ былъ валяться на полу, пока откроется вакансія на кровать. На ночь облекался я въ старый татарскій халатъ, разстилалъ на полу шинель, подъ голову клалъ мѣшокъ и ложился спать. Бывало, писаря смѣются надо мной:

- Вотъ псковскія мощи явились.

Жалованье писарю полагалось, кажется, 1 руб. 80 коп. въ треть: изъ этихъ денегъ вычитали въ артель, на улучшеніе пищи 1 р. 20 к., такъ что приходилось на руки всего только 60 к. А я все-таки былъ избалованъ во Псковѣ: пилъ чай, кофе, и тутъ того же хотѣлось.

Писарскія занятія въ канцеляріи начинались въ 8 часовъ утра и кончались въ 3 пополудни. Послѣ этого я былъ свободенъ и могъ заниматься чѣмъ угодно.

У меня развилась страсть къ чтенію и рисованію: читаль я Марлинскаго, Лермонтова и др. авторовъ; «Героя нашего времени» я прочель еще во Псковѣ, «Евгенія Онѣгина» зналь наизусть. Книги доставляли мнѣ знакомые писаря, которые были большею частію люди читающіе, хотя читали безъ всякаго разбору - что попадало подъ руку. У насъ были даже два поэта: писарь Бяшковъ и топографъ Воскресенскій. Особенно выдавался послѣдній: онъ много читаль и писалъ довольно удачные сатирическіе стихи, за которые однажды досталось ему изрядно. Быль у насъ начальникъ канцеляріи князь Шаховской, человекъ грубый и малообразованный. Воскресенскій написалъ на него сатиру. Стихи эти въ рукописи ходили по рукамъ; начальство провѣдало, добралось до автора и изъ топографа разжаловало въ сторожа при департаментѣ. Онъ продолжалъ заниматься своимъ топографскимъ дѣломъ, только въ шинели сторожа. Кончилось, впрочемъ, довольно благополучно: черезъ два года его опять произвели въ топографы, хотя и безъ зачета двухъ лѣтъ. Когда Клейнмихель перешель въ министерство путей сообщенія, то Воскресенскаго взяль съ собою, и затѣмъ я потеряль его изъ виду.

Въ свободное отъ канцелярскихъ занятій время я занимался чтеніемъ и рисованіемъ. Такъ какъ у меня былъ красивый почеркъ, то мнѣ поручалась переписка всеподданнѣйшихъ докладовъ; доклады эти были нерѣдко спѣшные, поэтому зачастую просиживаль я за перепиской ихъ ночи напролетъ.

Труда я не боялся, но горе то, что вовсе не имѣль деньжонокъ; доходило до того, что нечѣмъ было платить прачкѣ за мытье бѣлья. Приходилось самому его мыть, что я и дѣлаль въ Преображенскихъ баняхъ, а такъ какъ сушить было негдѣ, то на ночь я подстилаль его подъ себя: къ утру оно и высыхало.

Одѣвался я какъ всѣ военные писаря. Начальство говорило намъ всѣмъ «ты», но обращалось вообще довольно вѣжливо.

Однажды, въ августѣ 1845 г., я былъ назначень дежурнымъ въ нашей канцеляріи по отдѣленію военно - учебныхъ заведеній.

Ночью, чтобы не заснуть, я взяль огромный листъ бумаги и началъ чертить перомъ какой-то аллегорическій рисунокъ и бойко его набросаль. Въ это время проходилъ черезъ наше отдѣленіе начальникъ топографовъ, полковникъ генеральнаго штаба Поповъ, и замѣтивъ, что какой-то писарь лежитъ во весь ростъ на столѣ и что-то чертить, изъ любопытства подошелъ ко мнѣ и спросиль:

-Что ты здѣсь дѣлаешь?

-Рисую кое-что, ваше высокоблагородіе, чтобы не заснуть.

- Очень хорошо, очень хорошо, рассматривая рисунокъ говорилъ Поповъ, - ты гдѣ обучался?

- Въ Псковскомъ полубаталіонѣ былъ учителемъ, потомъ переведень въ писаря.

- Да помилуй, у меня нѣтъ ни одного топографа, который бы такъ чертилъ.

Поповъ свернулъ листъ и пошелъ съ нимъ къ директору.

Возвратившись оттуда, онъ сказалъ мнѣ:

- Завтра съ этимъ листомъ явись въ чертежную; ты будешь топографомъ.

Въ чертежной мнѣ приказали, чтобы я въ два мѣсяца приготовился и сдалъ экзамень на топографа.

Доставши лекціи изъ генеральнаго штаба, я началъ зубрить ихъ и въ назначенный срокъ выдержалъ экзамень. Меня зачислили въ топографы.

Въ 1846 г. хотя я и продолжалъ жить въ домъ Лисицына, гдѣ помѣщались топографы, но перебрался изъ 4-го этажа въ 3-й. Въ это время изъ Пскова пріѣхала ко мнѣ матушка. Мнѣ не хотѣлось отпускать ее въ услуженіе, а содержать было нечѣмъ. И вотъ задумалъ я отыскать себѣ какое - нибудь занятіе или мѣсто, если не завѣдывающего домою, то хотя дворника: все-таки квартира, т. е. комната, была бы готовая. Съ этою цѣлію отправился я на Пески и случайно зашелъ въ домъ Змѣева, противъ прудковъ. Тутъ мнѣ сообщили, что дворникъ этого дома отправляется въ деревню. Я немедля отправился къ хозяину дома и предложилъ принять меня въ дворники на убылое мѣсто. Тотъ посмотрѣлъ на меня подозрительно; должно быть, его смущала моя молодость и мой костюмъ топографа. Потомъ, когда увидѣлъ, что я не шучу, а говорю серьезно, согласился принять меня въ дворники, конечно, безъ жалованья, изъ одной квартиры, т. е. за отведенный мнѣ въ подвалъ чуланъ.

- А въ чемъ будетъ состоять моя должность? спросилъ я.

- Сходить въ кварталъ, вымести улицу, дворъ, посмотрѣть есть ли вода въ кадкахъ, что на деревянныхъ крышахъ. Для жильцовъ воду привозить водовозъ, а дрова жильцы (народъ былъ бѣдный) носить сами.

Такимъ образомъ сдѣлался я дворникомъ и, поселившись съ матушкой въ подвалъ, старательно исправлялъ свою должность 8 мѣсяцевъ. Въ этомъ же домѣ жили хорошенькія фельдъегерскія дочки; мнѣ ужасно было совѣстно, что онѣ видятъ, какъ я мету дворъ или улицу, поэтому принаравливался я исполнять это дѣло пораньше, когда барышни еще спали. Онѣ вставали, какъ мнѣ было извѣстно, въ 8 часовъ, а къ этому времени у меня уже все было готово, и я отправлялся въ кварталъ. По возвращеніи оттуда, уходилъ я на службу по званію топографа.

Въ это время однажды попался мнѣ листокъ изъ французскаго иллюстрированнаго изданія «Тысяча одна ночь», въ которомъ было что-то завернуто. Въ листкѣ этомъ я обратилъ вниманіе на рисунокъ, политипажъ, помѣщенный среди шрифта. Занялъ меня вопросъ, какимъ это образомъ умѣютъ рисунки помѣщать и печатать одновременно съ типографскимъ шрифтомъ. Я зналъ, что у насъ въ департаментъ военныхъ поселеній литографія печатаетъ гравюры и рисунки на камнѣ, но безъ типографскаго шрифта, а на французскомъ листкѣ рисунокъ былъ имъ окруженъ. Догадался я, что въ рисунокѣ каждая линія дѣлается на доскѣ рельефомъ, точно такъ, какъ типографскія буквы, и что, такимъ образомъ, этотъ рисунокъ печатается вмѣстѣ съ наборомъ.

Все еще исполняя должность дворника, я, въ часъ досуга, взялъ кусокъ березоваго дерева и сталъ на немъ вырѣзать какой-то чертежикъ или рисунокъ; дерево, однако, оказалось очень пористое, рѣзать ножомъ было трудно, дѣло выходило плохо. Тогда я отправился въ гостинный дворъ узнать: не берутъ ли какого особаго дерева для рѣзбы рисунковъ? Въ лавкѣ, гдѣ продавали разное дерево для мебельнаго и вообще столярнаго дѣла, мнѣ сказали, что есть столяръ, который приготовляетъ дощечки для рѣзбы на нихъ рисунковъ. Я спросилъ, что же стоитъ это дерево? Мнѣ отвѣтили, что продается на вѣсъ по 10 к. за фунтъ. Заплативъ за обрубокъ предложеннаго мнѣ дерева 2 руб., я тутъ же узналъ имя и адресъ столяра, приготовляющаго дощечки, и отправился къ нему, чтобы онъ изъ купленнаго мною полѣна сдѣлалъ дощечки для гравированія.

Столяръ этотъ былъ Вагнеръ, который въ то время одинъ только во всемъ Петербургѣ приготовлялъ доски для гравированія. (Впрочемъ, и теперь всего двое: тотъ же Вагнеръ и Миллеръ).

Вагнеръ посмотрѣлъ на купленное мною полѣно и нашель, что оно никуда не годится, такъ какъ было сучковато и сыро; если его высушить, то все растрескается.

-А вамъ для чего? - спросилъ онъ меня.

Я отвѣчалъ, что хочу гравировать.

- Такъ вотъ у меня есть для этого дощечки, приготовленныя какъ слѣдуетъ, возьмите.

Вагнеръ оказался хорошимъ человѣкомъ и прекраснымъ мастеромъ; я съ нимъ знакомъ и до сихъ поръ. Онъ нерѣдко потомъ говаривалъ:

-Ахъ, г. Сѣряковъ, теперь вы академикъ, пользуетесь извѣстностью, зарабатываете хорошія деньги, а я, по-прежнему, тотъ же бѣдный столяръ!

Взялъ я у него предложенныя дощечки, заплатилъ за нихъ и отправился къ себѣ въ дворницкую гравировать. Конечно, мнѣ слѣдовало бы разузнать, кто занимается этимъ дѣломъ и посоветоваться; такъ нѣтъ, у меня самоувѣренность такая была, что - де сдѣлаю самъ, безъ всякихъ постороннихъ указаній! Ну и засѣлъ за работу съ перочиннымъ ножикомъ въ рукъ.

Одинъ изъ военныхъ писарей, нѣкто Антоновъ, занимался нѣкогда перепискою у баснописца Крылова и здѣсь познакомился съ Крашенинниковымъ, который былъ прикащикомъ у книгопродавца Смирдина. Зная, что Антоновъ изъ департамента военныхъ поселеній, гдѣ есть топографы, Крашенинниковъ однажды спросилъ у него, нѣтъ ли у нихъ гравера, чтобы сдѣлать картинки для одной книжки? Антоновъ указалъ на меня.

Я пошелъ въ магазинъ Смирдина и встрѣтился тутъ съ однимъ учителемъ, г. Студицкимъ, который и заказалъ мнѣ 15 рисунковъ для дѣтской книжки: «Путешествіе вокругъ свѣта», съ платою по 3 руб. за рисунокъ. Рисунки были довольно разнообразны: «С. Бернардская собака», «Римъ», «Площадь въ Римѣ», «Соборъ св. Петра», «Пантеонъ въ Парижѣ», разныя зданія въ Берлинѣ и т. д.

Вовсе не зная, какъ рѣжутъ гравюры, принялся я смѣло за работу. Первый рисунокъ выполнилъ - «Площадь въ Римѣ». Чрезвычайно было трудно дѣлать каждый штрихъ рельефомъ при помощи одного лишь перочиннаго ножа. Рисунокъ оттиснули мнѣ въ типографіи военныхъ поселеній и я понесъ его къ г. Студицкому. Отдавая гравюру, я сказалъ, что больше продолжать не буду, такъ какъ эта работа чрезвычайно трудна и 3 руб. плата слишкомъ дешевая.

- Ну, я вамъ дамъ по 5 р., только продолжайте, - сказалъ г. Студицкій.

Такое условіе мнѣ показалось выгоднымъ и я рѣшился продолжать работу. Каждый маленькій рисунокъ рѣзалъ я по нѣскольку дней, съ чрезвычайными усиліями и тѣмъ не менѣе сдѣлалъ всѣ 15 штукъ и получилъ за нихъ деньги -первый заработокъ за гравированіе на деревѣ⁶.

⁶ Недавно, года три тому назадъ, нѣкто г. Марковъ, имѣвшій свою типографію, познакомился съ г. Студицкимъ и рассказывалъ ему про меня. Да помилуйте, сказалъ Студицкій, - это тотъ самый Сѣряковъ, который самую первую свою работу дѣлалъ для меня по дѣлалъ перочиннымъ ножикомъ. Студицкій далъ Маркову гравюры, мною рѣзанныя, и тотъ, отпечатавъ ихъ, подарилъ мнѣ первый опытъ мой въ гравированіи. Л. С.

Это было тридцать лѣтъ тому назадъ.

Въ 1847 году, однажды, выходя изъ должности, я встрѣтилъ на улицѣ ливрейнаго лакея, который розыскивалъ топографа. Узнавши, что я топографъ, лакей пригласилъ меня съ собою и мы отправились съ нимъ къ князю Владиміру Ѳедоровичу Одоевскому, жившему тогда на углу Бассейной улицы и Литейнаго проспекта, гдѣ теперь домъ А. А. Краевского. Князя Одоевскаго я, конечно, тогда вовсе не зналъ, но съ удовольствіемъ читалъ его сочиненія.

Князь попросилъ меня сдѣлать планъ его имѣнія, находившагося около Нарвы. У него имѣлся брульонъ, съ котораго и требовалось сдѣлать топографическій планъ; князь далъ мнѣ свой гербъ для помѣщенія на планъ и объясненіе знаковъ. Все это я взялъ, сдѣлалъ планъ и чрезъ нѣсколько времени принесъ его князю.

Одоевскій остался доволенъ моей работой: на планъ все было сдѣлано ясно и отчетливо.

- Все это прекрасно, сказалъ князь; - но зачѣмъ вы задавали себѣ трудъ гравировать мой гербъ и объясненіе знаковъ?

- Это не гравировано, а начерчено перомъ, объяснилъ я.

Князь очень удивился и сказалъ:

- Прекрасно, изъ васъ вышелъ бы хорошій граверъ!

- Да, я гравирую на деревѣ.

- Неужели на деревѣ? удивленно спросилъ князь; - покажите-ка, пожалуйста; непременно завтра же принесите! Княгиня, посмотри: г. Сѣряковъ гравируетъ на деревѣ! Да вѣдь я заказываю всѣ рисунки для «Дѣдушки Ириней» за границей. У насъ вовсе нѣтъ граверовъ на деревѣ въ Россіи! Вѣдь вы совершенная находка⁷!

На другой день, послѣ должности, я принесъ князю всѣ тѣ рисунки, которые сдѣлалъ перочиннымъ ножомъ. Князь былъ въ восхищеніи. Княгиня, женщина чрезвычайно добрая, обласкала меня и, обращаясь къ князю, сказала:

- Вотъ, князь, не посылай за границу, а заказывай ему, да познакомь его съ кѣмъ-нибудь. Нужно рекомендовать его гр. Соллогубу, Булгарину, Кукольнику и другимъ литераторамъ.

Князь тотчасъ же написалъ рекомендательныя письма, которыя я взялъ, и прежде всего отправился къ Нестору Васильевичу Кукольнику, жившему тогда на Гороховой улицѣ, въ домъ Домонтовича.

Кукольникъ принялъ меня съ распростертыми объятіями и тутъ же далъ мнѣ работу для издаваемой имъ «Иллюстраціи».

С этого времени я началъ работать для этого изданія, аккуратно получая плату.

Познакомившись, такимъ образомъ, съ кн. Одоевскимъ и Кукольникомъ, я какъ то сообщилъ имъ, что на деревѣ рѣжу перочиннымъ ножомъ. Одоевскій посоветовалъ мнѣ сходить къ барону Клодту, который также занимался

⁷ Въ это время въ Петербургѣ занимались гравированіемъ на деревѣ только три лица: баронъ Клодтъ, баронъ Нетельгорстъ и Дерпкеръ (братъ извѣстнаго нынѣ доктора-гомеопата). Л. С.

гравированіемъ на деревѣ. Я сначала намѣревался воспользоваться этимъ совѣтомъ, но потомъ раздумалъ.

-Мнѣ ли, топографу, идти къ барону Клодту! - размышлялъ я - да онъ меня и въ переднюю-то не пустить, а не только что покажетъ что-нибудь.

Такъ и не пошелъ⁸.

Кукольникъ же, узнавши, что я рѣжу перочиннымъ ножомъ, сообщилъ мнѣ, что это дѣлается вовсе не простымъ ножомъ, а существуютъ для того особые инструменты, которые онъ для меня и выписалъ.

Спустя двѣ недѣли, когда я взялъ эти инструменты въ руки, мнѣ показалось, что я уже 10 лѣтъ работалъ ими - такъ легки и удобны показались они мнѣ для гравированія послѣ перочиннаго ножа.

При тогдашнемъ печатаніи и скверной бумагѣ, мои рисунки выходили все-таки одни изъ лучшихъ. Рисовали въ то время на деревѣ Жуковскій, Борель и немногіе другіе.

У Кукольника встрѣчалъ я много тогдашнихъ литераторовъ, художниковъ и артистовъ, какъ напримѣръ: Ѳ. В. Булгарина, гр. В. А. Соллогуба, М. И. Глинку, П. А. Каратыгина, К. П. Брюлова, Бруни, - однимъ словомъ, я вошелъ въ артистическій и литературный кружки.

Булгаринъ нѣсколько разъ писалъ обо мнѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» и очень хвалилъ, увѣряя, что мой талантъ обѣщаетъ многое, что меня ожидаетъ блестящая будущность и т. п.

Вѣроятно, эти лестные отзывы были причиною того, что начальникъ нашъ, полковникъ, Поповъ, позволилъ мнѣ не ходить по субботамъ въ должность и уходить со службы во всякое время, тогда какъ другимъ не позволялось выходить изъ воротъ департамента ранѣе 3-хъ часовъ. Кромѣ того, другіе должны были являться на службу не иначе, какъ въ мундирахъ, а я могъ приходить въ шинели.

Кукольникъ однажды сказалъ мнѣ:

- По мнѣнію многихъ лицъ, видѣвшихъ твои работы, тебѣ бы надо поучиться рисовать, - попробоватъ ходить въ академію. Совсѣмъ бы другое дѣло было; у тебя техника есть, но недостаетъ рисунка.

- Какъ же мнѣ ходить въ академію, - сказалъ я, - вѣдь вы видите, я нижній чинъ.

- Можно попросить, разрѣшать! - замѣтилъ Кукольникъ.

На другой день я заявилъ Попову, что желалъ бы учиться рисованію въ академіи художествъ; такъ какъ съ 3-хъ часовъ мнѣ предоставлено заниматься чѣмъ угодно, а классы рисованія въ академіи начинались съ 5-ти и продолжались до 7-ми часовъ вечера, слѣдовательно, ущерба для служебныхъ занятій не будетъ никакого. Въ виду столь основательнаго довода, Поповъ согласился доложить объ этомъ директору, барону Николаю Ивановичу Корфу; написалъ докладную записку и отправился. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился сильно смущенный и передалъ мнѣ, что директоръ очень на него разсердился за такое ходатайство и строжайше воспретилъ отпускать меня для занятій въ академію.

⁸ В послѣдствіи, когда я познакомился съ барономъ Клодтомъ, мнѣ пришлось убедиться въ совершенной невѣрности подобныхъ соображеній. Я встрѣтилъ въ немъ превосходнаго, вполне образованнаго и весьма обязательнаго человѣка.

Лишь только Поповъ успѣлъ мнѣ сообщить это, какъ прибѣжалъ курьеръ съ требованіемъ меня къ директору. Я пришелъ въ аракчеевскій домъ, на Литейной, гдѣ нынѣ 3-я военная гимназія. Въ этомъ домѣ жилъ баронъ Н. И. Корфъ. Придя, я остановился въ прихожей. Черезъ отворенную дверь я увидѣлъ, что директоръ, въ конно - артиллерійской парадной формѣ, ходитъ съ нетерпѣніемъ по комнатѣ и какъ - будто кого-то ждетъ. Замѣтивъ меня, онъ крикнулъ:

- Поди-ка ты сюда!

Уже по тону голоса я предчувствовалъ, что будетъ что-нибудь недоброе. Подошелъ я по всѣмъ правиламъ шагистики, генераль съ головы до ногъ окинулъ меня взглядомъ и закричалъ:

- Солдаты! съ чего ты взялъ идти въ академію?! Да ты знаешь-ли: я сейчасъ же прикажу съ тебя галуны спороть и въ Арестантскія роты! Да какъ ты осмѣлился это задумать!

Посмотрѣлъ на меня еще разъ и выгналъ вонъ.

Не берусь передать, что со мною въ это время было; я чувствовалъ, что вся кровь хлынула мнѣ въ голову, въ глазахъ позеленѣло; у меня тряслись руки и ноги; я сознавалъ глубоко нанесенную мнѣ обиду, ничѣмъ незаслуженную и вмѣстѣ съ тѣмъ весь ужасъ могущей постигнуть меня участи отъ произвола и каприза самаго дюжиннаго генерала, какимъ и былъ, нынѣ покойный, баронъ Н. И. Корфъ.

Въ тотъ же день отправился я къ Кукольнику и raccontалъ ему о рѣшеніи директоромъ моей просьбы.

Кукольникъ весьма близко принялъ къ сердцу мое положеніе.

- Не ожидалъ я такого грубаго невѣжества, говорилъ Кукольникъ, - и отъ кого же - отъ барона Н. И. Корфа, а вѣдь онъ считается еще довольно образованнымъ человѣкомъ! Чего же ждать отъ другихъ нашихъ командировъ. Впрочемъ, не безпокойся, не тужи: какъ-нибудь да уладимъ дѣло.

Несторъ Васильевичъ взялъ лоскутокъ почтовой бумаги и тутъ же написалъ маленькую докладную записку о томъ, что, занимаясь изданіемъ «Иллюстраціи» съ 1845 года, онъ имѣетъ нѣсколькихъ граверовъ, которые работаютъ для этого изданія, и въ томъ числѣ гравера - топографа, роты № 9-й, Лаврентія Сѣрякова, которому, если бы дозволено было посѣщать классы Императорской академіи художествъ, то онъ могъ бы сдѣлаться, по мнѣнію людей свѣдущихъ, хорошимъ художникомъ.

Написавши это, Несторъ Васильевичъ положилъ записку въ портфель.

Это было въ среду, а по четвергамъ Кукольникъ долженъ былъ являться съ докладомъ къ военному министру Александру Ивановичу Чернышеву. Надобно замѣтить, что Кукольникъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при военномъ министрѣ.

Въ этотъ докладной для Кукольника день я со службы не пошелъ къ нему, а отправился домой. Отъ должности дворника я отказался уже давно и нанималъ маленькую квартирку въ Озерномъ переулкѣ, близъ Песковъ. Заработки мои простирались въ это время отъ 50 до 70 руб. въ мѣсяць.

Кромѣ работъ для «Иллюстраціи» Кукольника, я занимался еще перепиской отчетовъ одного чиновника, служившаго въ почтовомъ департаментѣ. Почтовый

департаментъ посылалъ этого чиновника узнавать по губерніямъ о состояніи дорогъ, мостовъ, почтовыхъ станцій и проч.; о результатахъ своего обозрѣнія онъ составлялъ отчеты листовъ въ 150 или въ 200; я переписывалъ ихъ по 20 к. за листъ.

И такъ, въ четвергъ я пришелъ домой и сѣлъ обѣдать. Въ это время прискакалъ ко мнѣ, на курьерской парѣ, одной изъ тѣхъ, что обыкновенно стоятъ на дворѣ у министра, - племянникъ Кукольника, Илья Алексѣевичъ Пузыревскій, и говорить:

- Поѣдемъ сейчасъ же со мной, папа⁹ 1) тебя зоветъ, дѣло очень важное!

Мы пріѣхали къ Кукольнику. Несторъ Васильевичъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями и поцѣлуями:

- Поздравляю, поздравляю, ты - въ академіи!

Затѣмъ онъ разсказалъ, какъ это случилось. По окончаніи доклада военному министру, Кукольникъ прочелъ записочку обо мнѣ. Чернышевъ, даже не дослушавъ ея до конца, сказалъ:

- Мнѣ некогда; я ѣду къ государю, положи записку въ портфель, я доложу объ этомъ его величеству.

Часа два спустя, военный министръ возвратился отъ государя, и сказалъ Кукольнику:

- Твой протеже въ академіи.

На лоскуткѣ бумажки, написанной наканунѣ Кукольникомъ, государь написалъ карандашомъ: «согласенъ». Не выходя изъ канцеляріи министра, Кукольникъ послалъ барону Корфу предписаніе: по высочайшему повелѣнію, топографа Сѣрякова, со всѣми бумагами и свѣдѣніями о немъ, немедля отправить въ академію художествъ.

Послѣ этого я не видалъ барона Корфа, но мнѣ передавали, что, получивъ этотъ приказъ, онъ совершенно растерялся и прежде всего сталъ спрашивать полковника Попова и другихъ, что за человекъ Сѣряковъ, не побочный ли онъ сынъ какого-нибудь высокопоставленнаго лица? какія у него связи? что и почему о немъ такъ хлопочетъ министръ Чернышевъ?

Упомянутое предписаніе такъ ошеломило Корфа, что у него, разлилась желчь.

Высочайшее повелѣніе было немедля исполнено.

Такимъ образомъ, въ 1847 году, волею покойнаго государя Николая Павловича, я былъ опредѣленъ въ академію художествъ, оставаясь при этомъ топографомъ, съ полученіемъ казеннаго провіанта и обмундированія.

⁹ Кукольника называли папою, кажется, Піемъ X, потому что онъ былъ толстый, необыкновеннаго роста и носилъ войлочную шапку, на подобіе папской тиары. Кстати, скажу еще нѣсколько словъ о Кукольникѣ. Это былъ человекъ прекрасно образованный, отличный музыкантъ (игралъ на фортепяно), искренній любитель и знатокъ литературы и искусствъ; извѣстно, что нѣкоторыя его литературныя произведенія имѣли въ свое время заслуженный, довольно большой успѣхъ. Сердца онъ былъ добраго и всегда готовъ услужить. Онъ умеръ в Таганрогѣ, въ концѣ 1860-хъ годовъ. Л.С.

IV.

Въ академіи художествъ. - Баронъ Клодтъ. - Прекращеніе «Иллюстраціи» Кукольника. - А. П. Башуцкій. - Работы мои на званія свободнаго художника и академика.

1847-1858.

Академію художествъ я посѣщаль усердно и занимался прилежно. При поступленіи мнѣ было 23 года.

Въ академіи читались тогда только анатомія, теорія изящныхъ искусствъ и архитектура; разумѣется, рисованіе составляло главный предметъ обученія. Всѣхъ художественныхъ классовъ было шесть: два оригинальныхъ, два гипсовыхъ, одинъ натурный и одинъ этюдный. Я поступилъ въ первый классъ, т. е. въ оригинальныя головы, чтобы пройти весь положенный въ академіи курсъ съ начала до конца. Скоро за первую голову получилъ я 2-й №, а за вторую № 1-й; не дожидаясь третьей, меня, черезъ два мѣсяца, перевели въ слѣдующій классъ.

Полученіе №№ вотъ что означало: классы раздѣлялись на утренніе, отъ 9-ти до 11-ти часовъ, и вечерніе, отъ 5-ти до 7-ми часовъ. Я Въ теченіе утреннихъ классовъ каждый занимался своею спеціальностію, а вечеромъ всѣ, кто бы въ какомъ классѣ ни былъ, рисовали французскимъ карандашомъ. По истеченіи мѣсяца, рисунки выставлялись въ классахъ на разсмотрѣніе профессоровъ; это было что-то въ родѣ экзамена. Кромѣ того, каждую недѣлю выставлялись фигуры, гипсовые головы, по отношенію къ которымъ требовалось, чтобы контуры съ нихъ дѣлались бы самыя вѣрныя, хотя бы тушевка при этомъ и не была окончена. На мѣсячныя разсмотрѣнія, или экзамень, эти недѣльныя работы могли не представляться учениками, такъ какъ ихъ разсматривалъ профессоръ въ теченіе недѣли, но нѣкоторыя работы, исключительно приготовляемая для мѣсячнаго экзамена, уже выставлялись къ назначенному сроку непременно.

Послѣ мѣсяца совѣтъ профессоровъ обходилъ всѣ классы и, на примѣръ, въ классѣ гипсовыхъ головъ разсматривалъ, которая изъ головъ лучше всѣхъ нарисована - эта и будетъ № 1-й; затѣмъ, слѣдующая по достоинству - № 2-й и т. д. Разумѣется, при этомъ не обходилось дѣло безъ препирательствъ между профессорами, такъ какъ одинъ изъ нихъ находилъ лучшимъ тотъ рисунокъ, а другой доказывалъ противное, защищая имъ отличный рисунокъ; въ этихъ случаяхъ споръ разрѣшался вице-президентомъ академіи. Такъ какъ фамиліи учениковъ обыкновенно выставлялись на рисункахъ, то при оцѣнкѣ достоинствъ послѣднихъ могло быть пристрастіе со стороны профессоровъ, но къ чести ихъ нужно сказать, что этого почти никогда не случалось. При такихъ-то мѣсячныхъ экзаменахъ я никогда не получалъ за свои работы ниже 6-го №, тогда какъ въ классѣ находилось болѣе ста человекъ. Затѣмъ тотъ, кто получалъ № изъ 1-го десятка, переводился на предстоящую треть въ слѣдующій классъ, на, разумѣется, иные сидѣли въ одномъ классѣ года по два и по три.

И такъ, вскорѣ послѣ моего поступленія въ академію я переведенъ былъ въ слѣдующій классъ, а черезъ мѣсяцъ - въ классъ гипсовыхъ головы.

Трудно и не безъ лишеній доставались мнѣ эти занятія въ академіи. Вставалъ я рано, и такъ какъ дилижансовъ въ то время еще не было, то пѣшкомъ отправлялся изъ Озернаго переулка на Васильевскій островъ - въ академію. Въ 12-мъ часу

приходилъ домой и занимался гравированіемъ для «Иллюстраціи» - чѣмъ и кормился, а къ 5-ти часамъ былъ опять въ академіи. Возвратившись оттуда, нерѣдко въ грязь, въ слякоть, принимался опять за гравированіе - вѣдь надо же было чѣмъ -нибудь существовать съ матушкой - и работалъ часовъ до 2-хъ или 3-хъ, а иногда и цѣлую ночь. Послѣдніе случаи особенно памятни для меня. Отъ скуки, для отдыха, поигрывалъ я на гитарѣ. Вывало, давно уже наступить утро, а я все еще не кончалъ своей работы. Матушка спитъ, мнѣ хочется чаю. Чтобы разбудить ее, я бралъ гитару и, подойдя къ ея постели, начиналъ потихоньку играть. Матушка просыпалась, узнавала, что я вовсе не ложился спать, и заботилась о приготовленіи чая, такъ какъ мнѣ скоро надо было идти въ академію.

Такъ проходилъ день за днемъ. Однажды пришелъ ко мнѣ Илья Алек. Пузыревскій съ приглашеніемъ немедленно явиться къ Кукольнику. Послѣдній объявилъ мнѣ, что государь императоръ спрашивалъ у Чернышева о моихъ занятіяхъ по академіи. Удивительная черта! У государя столько дѣлъ было первостепенной важности и вдругъ вспомнилъ о какомъ-то безвѣстномъ топографѣ. Министръ не зналъ, что отвѣтить государю и послалъ за Кукольникомъ, а этотъ - за мной.

- Представьте императору всѣ мои академическія работы, сказалъ я Кукольнику, а вмѣстѣ съ тѣмъ я что-нибудь награвирую новенькое, военное, чего не встрѣчалось еще ни въ какомъ изданіи.

Кукольникъ одобрилъ послѣднюю мысль.

Я отправился къ Ладурнеру, который состоялъ художникомъ при «Военной хроникѣ»; въ этомъ изданіи попадались недурные рисунки войска, такъ я надѣялся, что Ладурнеръ мнѣ поможетъ какими-нибудь указаніями или совѣтами; но надежда эта не оправдалась. Тогда я срисовалъ съ натуры солдата Кавалергардскаго полка въ полной формѣ, унтеръ - офицера Преображенскаго полка, также въ полной формѣ, и солдата Семеновскаго полка въ походной формѣ; составилъ, такимъ образомъ, группу изъ трехъ лицъ; фигурки были небольшія, вершка до 4. Затѣмъ награвировалъ ихъ на деревѣ, отпечаталъ на бристольской бумагѣ и сдѣлалъ маленькій альбомъ изъ 15-ти рисунковъ. Кукольникъ передалъ этотъ альбомъ министру, а послѣдній отвезъ его государю. Его величество выразилъ совершенное удовольствіе относительно моихъ успѣховъ и прислалъ денежную награду. Я былъ очень тронутъ, конечно, не тѣмъ, что получилъ деньги, но мнѣ дорого было вниманіе государя, которому былъ обязанъ принятіемъ меня въ академію художествъ; для меня пріятно было сознаніе, что я, наконецъ, столь еще недавно солдатъ, безвѣстный писарь, затерянный въ толпѣ нижнихъ чиновъ, нынѣ что-нибудь да значу. Немедля отправился я къ Даціаро и, въ знакъ столь отрадной для меня памяти, купилъ литографированный портретъ государя императора, великолѣпно сдѣланный на камнѣ художникомъ Смирновымъ съ рисунка Крюгера, - литографія была превосходная¹⁰.

Между тѣмъ по академіи занятія мои продолжались обычнымъ порядкомъ и не безъ успѣха. По рисункамъ я былъ настолько хорошъ, что профессора ставили меня въ образецъ другимъ. Рисовалъ я обыкновенно простымъ французскимъ

¹⁰ Смирновъ служилъ художникомъ при корпусѣ путей сообщенія и рисовалъ подъ руководствомъ литографа Пети; онъ былъ въ академіи художествъ, но недоучился; подъ конецъ своей жизни совершенно спился и умеръ года три тому назадъ въ крайней нищетѣ. Это былъ человѣкъ съ громаднымъ талантомъ, но, по слабости характера и воли, погибъ, какъ погибають у насъ многіе таланты. Л. С.

карандашомъ и не слѣдоваль рутинной методъ выдѣлыванія штриховъ. Для меня главное было, чтобы свѣтъ и тѣни помѣщались на своемъ мѣстѣ, чтобы былъ схваченъ моментъ и какъ можно вѣрнѣе переданы фигуры. Я просто замазываль, затираль, но такъ, чтобы была видна лѣпка, и выходило довольно эффектно.

Въ это время, т. е. въ 1848 г., Кукольникъ уѣхаль изъ Петербурга¹¹ и передалъ «Иллюстрацію» Крылову, бывшему, кажется, воспитателемъ въ Петропавловской школѣ. Крыловъ сдѣлался издателемъ, а редакція перешла къ Александру Павловичу Башуцкому. Имъ, конечно, нужны были граверы.

Однажды я пришель къ Крашенинникову въ магазинъ, недавно имъ открытый, чтобы получить деньги за гравюры и встрѣтился тутъ съ г. Студицкимъ, который, равно какъ и Крыловъ, имѣли, кажется, участіе въ этомъ магазинѣ. Черезъ нѣсколько времени послѣ моего прихода вошелъ въ магазинъ какой-то адъютантъ съ аксельбантами и началъ говорить съ Студицкимъ объ «Иллюстраціи».

- Послѣдній №, - сказалъ адъютантъ, - очень хорошъ; особенно хороши «Холмогоры» Сѣрякова, просто прелесть. Кто это такой Сѣряковъ?

- Граверьъ, молодой человекъ еще, - отвѣчалъ г. Студицкій, взглянувши на меня.

- Я бы желаль съ нимъ познакомиться.

- Такъ стоитъ только вамъ повернуться, - сказалъ г. Студицкій, и затѣмъ отрекомендовалъ насъ другъ другу.

Оказалось, что адъютантъ былъ баронъ Константинъ Карловичъ Клодтъ, къ которому, годъ тому назадъ, посылаль меня кн. В. Ѳ. Одоевскій и къ которому я не рѣшился идти, полагая, что онъ бѣднаго топографа не пуститъ даже и въ переднюю.

Клодту было тогда лѣтъ подѣ 40. Онъ познакомился со мной и сейчасъ же пригласиль къ себѣ; мы отправились.

Тутъ-же я узналь, что Башуцкій пригласиль Клодта завѣдывать маленькою мастерскою, которую онъ хотѣль составить изъ граверовъ, находящихся въ Петербургѣ. Въ этомъ ателье принимали участіе Линкъ, Кюи (въ послѣдствіи фотографъ) и Бернардь, довольно плохой, но въ то время, за недостаткомъ лучшихъ, имѣвшій значеніе художникъ.

Баронъ Клодтъ предложиль мнѣ вступить въ ихъ компанію на такихъ условіяхъ: готовая квартира, освѣщеніе и плата 50 р. въ мѣсяць за занятія съ 9-ти часовъ утра до 8-ми вечера; затѣмъ, всѣмъ остальнымъ временемъ я могъ пользоваться по своему усмотрѣнію. За экстренныя работы для «Иллюстраціи» полагалась особая плата. Я согласилься.

Матушку помѣстиль я на квартирку въ Кузнечномъ переулкѣ, а самъ поселился на Стремянной, въ домѣ Гусева, гдѣ помѣщалась наша мастерская.

Баронъ Клодтъ получаль квартиру и 60 руб. жалованья въ мѣсяць, я и Линкъ - по 50, Кюи - 40, Бернардь - 30. При ателье находились ученики.

Здѣсь я познакомилься съ нѣсколькими литераторами и художниками, между

¹¹ Въ началѣ 1849 г., какъ видно изъ дѣла о Сѣряковѣ, хранящагося въ архивѣ академіи художествъ, почета, вольный общникъ академіи Н. В. Кукольникъ прислалъ въ академію письмо, коимъ просиль ее обратить вниманіе на работы Сѣрякова по части гравированія, и если онъ заслужать одобреніе совѣта, то засвидѣтельствовать о томъ передъ его начальствомъ и тѣмъ поощрить ег о съ большимъ прилежаніемъ заниматься гравированіемъ на деревѣ. Какой былъ результатъ этого письма изъ дѣла не видно. Ред

прочимъ, съ Петромъ Карловичемъ Клодтомъ, скульпторомъ, работъ котораго принадлежать, между прочимъ, лошади на Аничковомъ мосту. Мы жили очень хорошо, весело; развлеченій множество. Бернардъ отлично игралъ на фортепьяно; подъ его музыку мы обыкновенно танцевали, составлялись литературные и художественные вечера.

Туть я нѣсколько увлекся работами для «Иллюстраціи», потомъ сдѣлался боленъ тифомъ, вслѣдствіе чего и отсталъ отъ академіи, такъ что мѣсяцевъ восемь не посѣщаль классовъ.

Такъ прошелъ 1848 годъ.

Въ слѣдующемъ году «Иллюстрація» пошла плохо; подписчиковъ у ней было очень мало. Намъ перестали исправно платить за работы, поднялся ропотъ.

А. П. Башуцкій велъ дѣло чрезвычайно безпорядочно. Сотрудниковъ у него не было, такъ какъ онъ не имѣлъ возможности платить имъ; всѣ отдѣлы въ «Иллюстраціи» писалъ онъ самъ, и при всемъ томъ постоянно нуждался въ деньгахъ. Между тѣмъ у издателя Крылова возникъ по имѣнію процессъ тысячъ на 60; процессъ этотъ онъ проигралъ и вслѣдствіе того разорился.

Вскорѣ послѣ этого г. Башуцкій послѣ какого-то, особенно неприятнаго для него случая, оставилъ службу¹².

Съ удаленіемъ Башуцкаго, прекратилось изданіе «Иллюстраціи». Хотя намъ, граверамъ, не доданы были деньги, но мы продолжали жить въ общей мастерской болѣе полугода, такъ какъ квартира снята была по контракту. (Квартира эта стоила тогда 800 руб., а теперь за нее платятъ 1,800). Затѣмъ я поселился съ матушкою и снова началъ посѣщать академію, гдѣ продолжалъ получать лучшіе нумера.

Такъ прошли 1850 и 1851 года.

Въ 1852 году мы съ барономъ Клодтомъ переѣхали на дачу въ Мурино. Въ это время я рѣшилъ не заниматься гравированіемъ на деревѣ, а идти по пейзажной живописи; поэтому цѣлое лѣто писалъ этюды съ натуры вмѣстѣ съ сыномъ барона, Михаиломъ Константиновичемъ Клодтомъ. Къ концу лѣта я очутился почти безъ денегъ. Это обстоятельство заставило меня крѣпко призадуматься надъ вопросомъ: продолжать ли заниматься живописью, или опять заняться гравированіемъ? Я соображалъ, что граверовъ на деревѣ у насъ мало и при томъ всѣ они крайне плохи; между тѣмъ это гравированіе, какъ искусство, можно поставить на высокую степень совершенства. Я бросилъ живопись и снова принялся за гравированіе съ такихъ оригиналовъ, каковы произведенія знаменитыхъ граверовъ: Одранъ, Уиль, Клауберъ (учитель Уткина) и другіе.

Я началъ чертить перомъ, тушью, изучать манеру штриха. Сколько слезъ и досады вызывалъ у меня при этихъ работахъ, каждый неудавшійся штрихъ, - я буквально обмывалъ слезами доску. Мною овладѣвало отчаяніе и я уже совсѣмъ

¹² Кстати передамъ нѣсколько припоминаній объ этой личности. Послѣ описаннаго случая Башуцкій поступилъ въ послушники, кажется, Сергіевского монастыря; здѣсь онъ пробылъ недолго и перебрался въ Кіевъ, гдѣ тоже что-то не поладилъ. Жена его поступила въ Тихвинскій монастырь.

Въ послѣдствіи, по возвращеніи моемъ изъ-за границы, я встрѣчался съ Александромъ Павловичемъ Башуцкимъ; онъ мнѣ предложилъ гравировать какихъ-то святыхъ, но я отклонилъ отъ себя это предложеніе.

Я видѣлъ его года три тому назадъ въ полу-монашескомъ платьѣ, въ черной фуражкѣ съ козырькомъ, въ очкахъ и съ длинною сѣдою бородою; онъ, кажется, живъ и теперь.

А. П. Башуцкій былъ умный человѣкъ, владѣлъ перомъ и человѣкъ вообще многосторонне образованный и талантливый. Во время завѣдыванія имъ «Иллюстраціи» у него собирався блестящій кругъ; самъ онъ бывалъ при дворѣ. Если не ошибаюсь, онъ мнѣ рассказывалъ какъ-то, что въ дѣтствѣ онъ нерѣдко игралъ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ. Л.С.

хотѣлъ бросить это дѣло, потому что сознавалъ, что не могъ выполнить серьезной вещи, не могъ даже приблизиться къ ней. Но я продолжалъ заниматься; наконецъ, увидѣлъ, что у меня что-то такое выходитъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше.

Между тѣмъ, мои товарищи - топографы начали держать экзамень на офицеровъ (я числился все еще топографомъ). Вдругъ изъ департамента военныхъ поселеній послѣдовалъ запросъ въ академію: есть ли у Сѣрякова какіе - нибудь успѣхи и скоро ли, онъ кончить ученье? Академія отвѣчала, что успѣхи есть, но что для окончанія моего художественнаго образованія мнѣ нужно еще года два или три. Такъ меня оставили въ покоѣ. Но я самъ началъ о себѣ думать.

Возвратившись съ дачи изъ Мурино, я поселился поближе къ академіи, въ Кадетской линіи Васильевскаго острова, и началъ заниматься серьезно, какъ на квартирѣ, такъ и въ академіи.

1852-й годъ близился къ концу.

Безъ сомнѣнія, академія - учрежденіе прекрасное; лестно было поступить въ нее, а еще пріятнѣе заниматься въ ней. Но пріятность эта тогда нерѣдко омрачалась непривѣтливостью, даже грубостью обращенія. Ужъ такое время было....

Извѣстно, что въ ученики академіи поступали тогда и изъ податнаго сословія. Ну, а такой народъ, извѣстно, за тычкомъ не гнался. Кромѣ того, воспитанники изъ податнаго состоянія терпѣливо сносили всякаго рода оскорбленія потому, что если бы они вздумали обижаться, такъ ихъ выгнали бы вонъ изъ академіи и они опять стали бы крѣпостными или попали бы въ солдаты; между тѣмъ, въ нихъ бывала художественная искорка, имъ хотѣлось учиться: такъ ужъ лучше все снести, лишь бы избавиться отъ помѣщичьяго ига и удовлетворить своимъ наклонностямъ.

Крѣпостные могли поступать въ академію только съ разрѣшенія помѣщика; но если бы послѣдній, по окончаніи курса, вздумалъ взять своего крѣпостнаго обратно, то академія обыкновенно возставала противъ этого и сейчасъ же давала воспитаннику медаль или званіе учителя, послѣ чего помѣщикъ не имѣлъ на него уже никакихъ правъ.

Помѣщики отдавали своихъ людей въ академію просто, какъ говорится, съ дуру, или же въ томъ пріятномъ предположеніи, что послѣ выучки - крѣпостной его будетъ у него маляромъ, станетъ росписывать амурами комнаты, бесѣдки и проч. Но, какъ я сказалъ, такія предположенія не осуществлялись.

Моими товарищами съ первыхъ классовъ были: М. И. Клодтъ, жанристъ, - баронъ М. К. Клодтъ, пейзажистъ, - Лаверецкій, теперешній профессоръ скульптуры, - Каменскій, скульпторъ, - Грузинскій, батальный живописецъ и др.

Вице - президентомъ академіи былъ знаменитый своими талантами гр. Ѳедоръ Петровичъ Толстой, ректоромъ - Шебуевъ. Профессора были люди болѣе или менѣе достойные.

Я скажу здѣсь только о тѣхъ изъ нихъ, которые играли главную роль въ академіи и имѣли рѣшительное вліяніе на мои работы.

Особенно талантливъ былъ въ то время еще не старый, полный энергіи, профессоръ исторической живописи Ѳедоръ Антоновичъ Бруни, на дняхъ скончавшійся. Онъ рано обратилъ на меня вниманіе и болѣе, нежели кто-либо другой, ободрялъ меня. Онъ былъ тогда директоромъ картинной галлерей въ Эрмитажѣ и, какъ я сейчасъ скажу, по его выбору или указанію приготавливалъ я

работы на званіе свободнаго художника и академика.

Затѣмъ, изъ ряда другихъ выдавался престарѣлый профессоръ Николай Ивановичъ Уткинъ, великолѣпный граверъ тотъ самый, который находился въ 1812 году въ Парижѣ и вынужденъ былъ остаться въ плѣну у Наполеона I.

(Замѣчательно, что многіе знаменитые граверы живутъ очень долго и не слѣпнуть; быть можетъ, это происходитъ отъ того, что они, какъ люди, глубоко преданные своему искусству, ведутъ жизнь крайне умѣренную и аккуратную, не такъ какъ граверы средней руки; сидячая жизнь, какъ оказывается, не убиваетъ этихъ тружениковъ).

Уткинъ былъ невысокаго роста старичекъ, съ длиннымъ носомъ и большими нависшими бровями; имѣлъ тонкія, благородныя черты лица; ни бороды, ни усомъ у него не было, такъ какъ при императорѣ Николаѣ воспрещено было носить ихъ, - это позволялось одному только Виллевалду, вслѣдствіе того, что онъ писалъ картины изъ военнаго быта, сраженія и проч.

Въ бытность мою въ академіи Уткинъ гравировалъ на мѣди съ картины Шебуева «Василій Великій». Картина эта, равно какъ и «Исцѣленіе прокаженнаго», находятся въ Казанскомъ соборѣ; обѣ картины были замѣчательно художественны; но онѣ еще при жизни художника почернѣли и растрескались; великолѣпныя картины Шебуева почти исчезли и сохранились только въ гравюрѣ.

Нельзя не упомянуть еще о Ѳедорѣ Ивановичѣ Іорданѣ, граверѣ на мѣди, котораго поддерживалъ Уткинъ въ тѣхъ видахъ, чтобы не уронить это искусство въ Россіи. Для академіи необходимо было имѣть при себѣ хоть одного гравера на мѣди, такъ какъ такіе граверы существовали во всѣхъ европейскихъ академіяхъ. Съ этою цѣлію старались удерживать людей всевозможными средствами: назначали степендіи и т. п., какъ это случилось, на примѣръ, съ И. П. Пожалостинимъ. Какъ сказано будетъ ниже, Іорданъ имѣлъ рѣшительное сужденіе при оцѣнкѣ моей гравюры на званіе академика.

Наконецъ, конференцъ-секретарь, Василій Ивановичъ Григоровичъ, игралъ чрезвычайно важную роль въ совѣтѣ академіи. Это былъ суровый, грубый, но въ сущности вполне добрый человекъ; бывало, онъ обругаетъ, пожалуй выгонитъ, а на другой день принимаетъ выгнаннаго, какъ - будто ничего не было, выслушивалъ и дѣлалъ все, что отъ него зависѣло. Григоровичъ хотя не былъ художникъ, но былъ знатокъ искусства; онъ былъ при академіи многіе годы, поэтому вкусъ у него изощрился, глазъ привыкъ различать достоинства и недостатки работъ. Онъ читалъ у насъ теорію изящныхъ искусствъ, которую я слушалъ цѣлый годъ; поэтому случаю Григоровичъ и зналъ меня.

Въ это время, т. е. въ началѣ 1853 г., задумалъ я гравировать на деревѣ для полученія званія свободнаго художника. Званіе это дѣлало человека свободнымъ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, давало ему права почетнаго потомственнаго гражданина, а въ случаѣ поступленія на службу - черезъ три года чинъ. Приобрѣтеніе такихъ правъ для меня было чрезвычайно важно, такъ какъ истекалъ срокъ моей службы топографомъ, предстояло сдавать экзамень на офицера и, по всей вѣроятности, пришлось бы отправиться въ крымскую кампанію.

И такъ, я задумалъ гравировать на деревѣ для полученія званія свободнаго

художника¹³ 1) Въ этихъ случаяхъ программа назначалась обыкновенно совѣтомъ; но такъ какъ до этого времени никто не получилъ свободнаго художника за гравюру на деревѣ, то прежде, чѣмъ обратиться въ совѣтъ за разрѣшеніемъ, я пошелъ къ Григоровичу. Послѣдній, по обыкновенію, спросилъ меня:

- Ну что, батюшка, скажешь новенькаго?

«Желалъ бы получить программу по гравированію на деревѣ», сказалъ я.

- Да вы съ чего это взяли, вспылили Григоровичъ; - гравированіе на деревѣ развѣ искусство? Вѣдь вы, граверы на деревѣ, въ состояніи сдѣлать только какую-нибудь виньетку! Да у васъ средствъ нѣтъ выполнить серьезную вещь на деревѣ!

«Все-таки позвольте мнѣ подать прошеніе въ совѣтъ, сказалъ я; - вѣдь тутъ ни совѣтъ, ни академія ничего не потеряютъ; не удастся, въ проигрышѣ останусь я одинъ».

- Да нѣтъ, оставьте; это пустое, напрасный трудъ; вы ничего не сдѣлаете. Вотъ изъ барона Клодта не вышло же ничего¹⁴.

Однако же высказанное мною соображеніе, что, въ случаѣ моей неудачи, ни совѣтъ, ни академія ничего не теряютъ, подѣйствовало на Григоровича и онъ, наконецъ, сказалъ:

- Ну, хорошо, подавай прошеніе въ совѣтъ.

Въ концѣ 1852 г. я обратился съ просьбою въ совѣтъ - дать мнѣ программу для полученія званія художника по части гравированія на деревѣ. Прежде, однако, чѣмъ разрѣшить эту просьбу, совѣтъ отнесся къ управлявшему тогда военнымъ министерствомъ, кн. В. А. Долгорукову, спрашивая: «не имѣется-ли со стороны военнаго вѣдомства препятствій къ полученію мнѣ программы на званіе художника, такъ какъ съ званіемъ симъ, по силѣ всемилостивѣйше дарованной академіи привиллегіи, сопряжено право пользоваться съ потомствомъ вѣчною и совершенною свободою и вольностію, и вступить въ службу, въ какую художникъ пожелаетъ». На этотъ запросъ князь Долгоруковъ отвѣтилъ, что такъ какъ Сѣряковъ принадлежитъ къ военному вѣдомству, то, взамѣнъ свободнаго художника, можно будетъ испросить высочайшее разрѣшеніе на производство его въ коллежскіе регистраторы съ опредѣленіемъ на службу по вѣдомству военныхъ поселеній.

Послѣ этого мнѣ разрѣшена была программа для полученія званія свободнаго художника по гравированію на деревѣ и приказано явиться въ Эрмитажъ къ профессору Э. А. Бруни, которому поручено было назначить мнѣ, съ какой картины рисовать. Когда я пришелъ къ Бруни, онъ прямо повелъ меня въ залу фламандской школы, и указывая то на одну, то на другую картину, говорилъ: «вотъ это хорошая вещь, вотъ это прекрасно». Я замѣтилъ великолѣпную голову старика въ профиль - этюдъ Рембрандта, и выбралъ его.

Я началъ работать въ Эрмитажѣ каждый день. Ежедневно, какъ только приходилъ Бруни утромъ въ Эрмитажъ, онъ смотрѣлъ на мою работу и удивлялся,

¹³ Когда, въ 1852 г., г. Бернардскій просилъ за исполненныя имъ гравюры на деревѣ удостоить его званія художника, то ему было объявлено, что граверъ на деревѣ можетъ быть признанъ художникомъ только тогда, когда произведетъ свое сочиненіе или рисунокъ съ картины, имъ самимъ вполнѣ удивительно исполненной. Л.С.

¹⁴ Дѣйствительно, у Петра Карловича былъ братъ Константинъ Карловичъ который занимался гравированіемъ на деревѣ и чрезъ брата представлялъ свои Работы въ академію. Академія назначила ему казенную квартиру и содержаніе въ 300 руб.; потомъ послала его за границу. Повидимому, изъ гравированія на деревѣ хотѣли сдѣлать тогда что-нибудь серьезное; но это не осуществилось. Черезъ полгода баронъ Клодтъ возвратился изъ-за границы и ничего не привезъ, кромѣ трехъ маленькихъ виньетокъ. Академія отказала ему отъ квартиры, тѣмъ дѣло и кончилось. Это было, въ 1842 или въ 1843 году. Л. С.

что я занимаюсь съ такимъ прилежаніемъ и что у меня большая сила въ свинцовомъ карандашѣ.

- Какими карандашами вы рисуете? спросилъ онъ меня однажды.

- Да обыкновенными Фабера: 1-й, 2-й, 3-й и 4-й нумера, отвѣчалъ я.

- Что же вы ихъ въ маслѣ, или въ чемъ-нибудь другомъ мочите?

Я объяснилъ, что карандашей ни въ чемъ не мочу, а дѣлаю такимъ образомъ: прокладываю 1-мъ номеромъ, а оканчиваю 4-мъ, - вслѣдствіе этого у меня такъ сильно и выходило.

Картина Рембрандта была въ натуральную величину, а я сдѣлалъ въ полнатуры, какъ разъ въ половину оригинала. Бруни одобрилъ мой рисунокъ и велѣлъ подать въ совѣтъ, который немедленно и разрѣшилъ мнѣ гравировать.

Все лѣто 1853 года занимался я этимъ гравированіемъ. Сколько мученій пришлось мнѣ испытать въ это, сравнительно, короткое время! Вѣдь я начиналъ первую попытку, дѣлалъ первый шагъ къ введенію гравюры на деревѣ въ область искусства въ Россіи! До этого времени никто, за все столѣтнее существованіе въ нашемъ отечествѣ академіи художествъ, не былъ удостоенъ званіемъ не только академика, но даже художника за гравированіе на деревѣ.

Въ сентябрѣ 1853 г. назначенъ былъ экзамень и актъ. Какъ разъ наканунѣ экзамена я сдѣлалъ оттискъ и пришелъ съ нимъ къ Григоровичу.

Старикъ встрѣтилъ меня обычнымъ вопросомъ:

- Ну что, батюшка, вы скажете новенькаго?

Я подалъ ему свою работу. Онъ разсматривалъ гравюру долго, очень долго, потомъ пошелъ къ окну, а за нимъ и я. Тутъ онъ. смотрѣлъ то на гравюру, то на меня. Я стоялъ въ томительномъ ожиданіи и страхѣ: въ эти минуты рѣшалась вся моя участь; скажи Григоровичъ, что скверно, и все для меня было бы кончено. Онъ, какъ бы съ намѣреніемъ помучить меня, разсматривалъ гравюру очень долго. Наконецъ, молча подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ и сказалъ:

- Вы - молодець. Вотъ что значить русскій челоуѣкъ; ужъ если захочетъ чего-нибудь достигнуть, того непременно добьется!

Поздравляю васъ.

Затѣмъ снова обратился къ гравюрѣ, долго всматривался въ нее и какъ бы про себя говорилъ:

- Прелестная, небывалая вещь; какъ это прочувствовано! - Идите, батюшка, сказалъ мнѣ Григоровичъ въ заключеніе, - отъ моего имени къ Шебуеву, Бруни, къ Уткину, передайте имъ, что я видѣлъ вашу гравюру и въ восторгѣ отъ нея.

Шебуевъ расхвалилъ мою работу. Бруни былъ отъ нея просто въ восхищеніи. Я отправился къ маститому старцу Уткину и объявилъ ему, кто я.

- Ахъ, да, - помню, помню, проговорилъ Уткинъ; вы, кажется, на званіе художника работали? Покажите-ка, что вы сдѣлали.

Я подалъ гравюру.

Сѣлъ старикъ, а сзади его сталъ какой-то неизвѣстный мнѣ господинъ. Сначала Уткинъ смотрѣлъ на гравюру сквозь очки потомъ началъ разсматривать ее

при помощи громадной лупы.

- Великолѣпно, прелесть, - говорилъ почтенный профессоръ, рассматривая гравюру; - вы непременно получите званіе художника.

Затѣмъ, обращаясь къ стоявшему сзади господину, сказалъ: .

- Что же послѣ этого значить, батюшка, гравюра на мѣди, когда на деревѣ такія вещи дѣлають.

Тотъ чрезвычайно лестно отозвался о моей работѣ и спросилъ меня, долго ли я работалъ? Я отвѣтилъ, что мѣсяца три.

- Да неужели такъ скоро? На мѣди довелось бы это самое работать долѣе двухъ лѣтъ.

Послѣ я узналъ, что это былъ Пищалкинъ, будущій профессоръ гравированія на мѣди¹⁵.

Отъ Уткина я отправился прямо въ академію и выставилъ свою работу на экзамень. Не знаю, правда-ли, но я слышалъ отъ правителя дѣлъ Всеславина, что за выставленную гравюру мнѣ хотѣли дать прямо академика; но такъ какъ я былъ нижній чинъ, а званіе академика сопряжено съ чиномъ титулярнаго совѣтника, то представилось невозможнымъ возвысить меня изъ простыхъ топографовъ прямо въ IX-й классъ. Мнѣ дали званіе «свободнаго художника», при чемъ совѣтъ постановилъ: «представить о Сѣряковѣ во вниманіе департаменту военныхъ поселеній, какъ доказавшемъ настоящею гравюрою необыкновенно хорошіе успѣхи въ гравированіи на деревѣ»¹⁶.

Вслѣдъ за симъ гравюра моя и я самъ были представлены президенту академіи художествъ и я удостоился самыхъ лестныхъ похвалъ.

Въ декабрѣ 1853 г. императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ въ академіи выставку художественныхъ произведеній, въ числѣ которыхъ находилась и моя гравюра. Его величество остался доволенъ моею работою и сказалъ обо мнѣ:

- Надо его поддержать¹⁷.

Со стороны военного министра представленъ былъ всеподданнѣйшій докладъ о моихъ занятіяхъ и успѣхахъ въ гравированіи, и высочайшею резолюціею было повелѣно: «топографа Сѣрякова, за необыкновенный его талантъ, произвести въ коллежскіе регистраторы, дать ему мѣсто въ военномъ министерствѣ и выдать изъ Кабинета на обмундированіе». Не помню, были-ли въ этой резолюціи слова: «не занимать службою», только отъ служебныхъ занятій я былъ совершенно освобожденъ.

Затѣмъ, совѣтъ академіи, безъ всякой уже просьбы съ моей стороны, назначилъ мнѣ программу на званіе академика.

Опять тотъ же Бруни предложилъ мнѣ рисовать съ Рембрандта: «Невѣріе св.

¹⁵ Въ то время Пищалкинъ только-что возвратился изъ Рима, куда посланъ былъ на казенный счетъ. Онъ работалъ «Взятіе Божіей матери на небо» съ картины Брюлова (подлинникъ въ лютеранской Петропавловской церкви); Изъ Рима г. Пищалкинъ привезъ первый пробный оттискъ своей гравюры на мѣди; проложено было сочно, свѣжо; отъ художника этого ожидали многого. Такъ какъ онъ былъ хорошій рисовальщикъ, то ему дали академика и потомъ профессора. Но упомянутую гравюру онъ затянулъ: вмѣсто того, чтобы сдѣлать ее въ пять, въ шесть лѣтъ, онъ работалъ ее, кажется, лѣтъ 20 слишкомъ, такъ что, какъ говорится, замучилъ себя и доску; въ самомъ дѣлѣ, здоровье его разстроилось и зрѣніе же на столько ослабѣло, что продолжать работать онъ былъ не въ состояніи. Л.С.

¹⁶ Представленіе это въ дѣлѣ о г. Сѣряковѣ въ архивѣ академіи художествъ.

¹⁷ Объ этомъ отзывѣ императора Николая Павловича также имѣется свѣдѣніе въ дѣлѣ о г. Сѣряковѣ въ архивѣ академіи художествъ. Ред

апостола Өомы». На картинѣ этой было 13 фигуръ: апостолы, Спаситель и Божія мать. Картина эффектная, но почти неоконченная. Рембрандтъ былъ знаменитый художникъ, но не занимался тщательною отдѣлкою подробностей, какъ многіе художники фламандской школы, онъ билъ на колоритъ, на силу - тѣнь и свѣтъ играютъ у Рембрандта важную роль. Я рисовалъ въ ту же величину, какъ и эскизъ Рембрандта, т. е. въ 3/4 аршина ширины и вершковъ 14 высоты. Рисовалъ я довольно долго.

Между тѣмъ мои товарищи - топографы выдержали экзамень на офицеровъ; ихъ было человекъ 8 и всѣ они ушли на Дунай или въ Крымъ; двое изъ нихъ убиты подъ Силистріею, а пять легли подъ Севастополемъ. Только одинъ, нѣкто Агафоновъ, вернулся въ Петербургъ живымъ.

Въ маѣ 1857 года я представилъ рисунокъ въ совѣтъ академіи художествъ, который и разрѣшилъ мнѣ гравировать: при этомъ совѣтъ постановилъ представить рисунокъ нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, «какъ примѣръ необыкновеннаго таланта, удивительнаго копированія каждаго взмаха кисти Рембрандта»¹⁸.

Рисунокъ мой былъ представленъ государю императору и мнѣ пожалована денежная награда (500 р.).

Съ двойною энергіею я принялся за свой громаднй трудъ и весной 1858 г. представилъ работу въ совѣтъ академіи.

Конференцъ - секретаремъ въ это время былъ все еще В. И. Григоровичъ и весь составъ академіи оставался прежній. Вице-президентъ, графъ Ө. П. Толстой, и многіе профессора очень хвалили представленную мною гравюру; находили, что выполнено отлично. Я былъ въ полной увѣренности, что получу званіе академика. Но этого не случилось.

На экзаменѣ профессоръ гравированія Ө. И. Іорданъ возсталъ противъ присужденія мнѣ званія академика, основываясь на томъ, что Сѣряковъ не исправилъ-де рисунокъ Рембрандта, а оставилъ его съ тѣми несовершенствами, какъ онъ есть.

Не берусь рѣшить, насколько такое сужденіе было основательно, но не лишнимъ нахожу замѣтить, что совѣтъ видѣлъ мой рисунокъ гораздо ранѣе выполненія по немъ гравюры и нашелъ его настолько удовлетворительнымъ, что счелъ своимъ долгомъ обратить на него высочайшее вниманіе. Всѣ, разсматривавшіе мой рисунокъ, вѣроятно, видѣли недостатки - не мои, а Рембрандта, указанные г. Іорданомъ по окончаніи уже гравюры, и тѣмъ не менѣе никто не требовалъ отъ меня исправленія произведенія великаго художника!

Какъ бы то ни было, но г. Іорданъ настоялъ на томъ, чтобы мнѣ не было дано званія академика.

Въ замѣнъ, однако, этого званія, совѣтъ постановилъ ходатайствовать о томъ, чтобы меня сдѣлали пансіонеромъ академіи и, не въ примѣръ прочимъ, послать на казенный счетъ за границу. На этомъ послѣднемъ рѣшеніи болѣе всѣхъ настаивалъ Ө. А. Бруни, говоря: «Какъ это можно, человекъ даже никогда не выѣзжалъ изъ Россіи, никогда не видѣлъ заграничныхъ галлерей искусствъ. Надо дать ему

¹⁸ Въ постановленіи совѣта по сему предмету, между прочимъ, сказано: «представить г. министру императорскаго двора о назначеніи Сѣрякову содержанія отъ казны на время исполненія гравюры на деревѣ, такъ какъ предпріятіе его необыкновенное». Арх. акад. художествъ. Ред.

возможность посмотреть, онъ тамъ будетъ на своемъ мѣстѣ и чрезъ нѣсколько времени сдѣлаеть такъ, что мы будемъ поставлены въ необходимость дать ему академика».

Высочайше разрѣшено послать меня за границу съ содержаніемъ 300-тъ червонцевъ и съ выдачею 200-тъ червонцевъ на подъемъ.

Окончивъ кое-какія частныя работы, 23-го сентября 1858 г. я отправился за границу.

Варшавской желѣзной дороги въ то время еще не было; я желалъ посмотреть картинныя галереи въ Копенгагенѣ; наконецъ, мнѣ было извѣстно, что на Балтійскомъ морѣ бываютъ сильныя бури, особенно въ сентябрѣ, такъ хотѣлось видѣть эффектъ волнъ; посмотреть вблизи на страшную стихію. Вслѣдствіе этого я отправился моремъ.

На небольшомъ купеческомъ пароходѣ, взялъ я мѣсто до Гавра за 50 руб. Пароходъ былъ двухтрубный, желѣзный, въ 600 тоннъ, первый разъ бывшій въ Петербургѣ. Капитанъ парохода имѣлъ право взять четырехъ пассажировъ, которыхъ составляли теперь я, какой-то мальчикъ, находившійся при товарѣ и молодой человекъ - французъ, отправлявшійся на родину. Послѣдній на первыхъ порахъ мнѣ очень пригодился, такъ какъ хорошо объяснялся по-русски, а я ни слова не зналъ ни на одномъ иностранномъ языкѣ.

Капитанъ предполагалъ, что черезъ 8 дней мы прибудемъ въ Гавръ; но предположеніе это не осуществилось.

Изъ-подъ Кронштадта мы вышли въ сильную бурю и на Балтійскомъ морѣ претерпѣли страшную качку. Изъ Копенгагена, гдѣ я посмотрѣлъ нѣкоторыя картинныя галереи, мы отправились далѣе. Буря усиливалась...

Французъ, ѣхавшій съ нами, передалъ мнѣ, что капитанъ спрашиваетъ, есть ли у меня на случай крушенія что-нибудь спасительное: поясъ или что-нибудь другое? Я сказалъ, что взялъ съ собою гуттаперчевую подушку, зная всю опасность плаванія въ сентябрѣ. Сейчас же эта подушка и пошла у меня въ дѣло.

Всѣ, находящіеся на пароходѣ, были привязаны къ мачтамъ, такъ какъ невозможно было устоять противъ набѣгавшихъ и раскатывавшихся по палубѣ парохода громадныхъ волнъ. Всѣ люки оставались закрытыми, на палубѣ ничего не было, кромѣ взятыхъ въ Копенгагенѣ бревень, штукъ 15, изъ которыхъ матросы дѣлали плотъ. Во время этой чрезвычайно трудной работы, при страшной качкѣ, у нихъ отъ напряженія кровь выступала изъ подъ ногтей. Они удивляли меня своимъ самоотверженіемъ: ни слезъ, ни отчаянія, словомъ ни малѣйшаго перепуга въ нихъ не было замѣтно; казалось, что для нихъ то ужасное положеніе, въ которомъ мы находились, было довольно обыкновеннымъ.

Скоро послѣ этого пароходъ нашъ получилъ пробоину въ кормѣ; начали усердно работать помпы. Наконецъ, мы замѣтили, что насъ несетъ на песчаную банку. Солнце закатилось. На всѣхъ реяхъ и мачтахъ вывѣсили фонари, начали стрѣлять изъ пушекъ... Мы находились еще въ 80-ти верстахъ отъ Кале. Въ это время прямо на насъ несея англійскій пароходъ. Онъ бросилъ намъ канатъ, который мы кое-какъ поймали; такимъ образомъ прибуксировали въ Гавръ, пробывъ въ морскомъ плаваніи вмѣсто 8-ми - 16 дней.

Прибытіе въ Парижъ. - Занятія въ мастерской при «Magasin Pittoresque». - Взглядъ на исторію гравюры. - Работы для Кіево-печерской лавры. - Путешествіе по Европѣ. - Возвращеніе въ Россію. - Полученіе званія академика. - Назначеніе преподавателемъ въ школу для приходящихъ. - Гравированіе портрета Государя Императора.
1858-1866.

Передъ отъѣздомъ моимъ за границу, мнѣ было выдано содержаніе за цѣлую треть впередъ. Но у меня были кое-какіе долги, которые я уплатилъ изъ выданныхъ денегъ, внесъ за мѣсто на паракодъ до Гавра (во Франціи), сдѣлалъ нѣкоторые расходы на дорогу, также въ Копенгагенѣ и Гаврѣ, такъ что, по прибытіи въ Парижъ, у меня оказалось всего только 10 фр., а до новой получки денегъ оставалось еще четыре мѣсяца. Не зная французскаго языка, безъ денегъ, не веселымъ въѣхалъ я въ Парижъ.

Я поселился въ одной гостинницѣ, подъ чердакомъ, въ комнаткѣ, за 20 фр. въ мѣсяць съ прислугою.

Въ одной со мною гостинницѣ остановился молодой французъ, съ которымъ мы ѣхали изъ Петербурга. Этотъ молодой человекъ первое время пребыванія моего въ Парижѣ былъ моимъ «языкомъ».

На другой день послѣ пріѣзда я узналъ адресъ издателя журнала: «Magasin Pittoresque»-Беста и съ своимъ чичероне тотчасъ же отправился къ нему. Я показалъ Бесту мои работы, въ числѣ которыхъ была голова, сдѣланная мною для полученія званія художника, потомъ просилъ Беста, чтобы онъ позволилъ мнѣ заниматься въ его мастерской. Бестъ желалъ видѣть доску, на которой я дѣлалъ упомянутую голову; молодой французъ объяснилъ ему, что доска эта погибла во время бури. Относительно же моихъ занятій въ ателье, Бестъ говорилъ, что мнѣ тутъ нечему учиться, такъ какъ работа моя. вполне хороша, однако же, видя мою настоятельную просьбу, согласился меня принять.

И такъ, купивши себѣ синюю блузу и фуражку, костюмъ рабочаго, я на третій день послѣ прибытія въ Парижъ работалъ уже въ ателье Беста.

О цѣнѣ я не спрашивалъ; я былъ вполне увѣренъ, что французъ не обманетъ -и не ошибся.

Вначалѣ дали мнѣ рисунокъ для «Иллюстраціи» - пейзажъ въ полную страницу. Но потомъ, когда я сдѣлалъ первую доску, мнѣ немедля предложили работать для «Magasin Pittoresque».

Дня черезъ три по поступленіи въ мастерскую, у меня вышли тѣ деньги, съ которыми я пріѣхалъ въ Парижъ; поэтому я обратился къ Бесту съ просьбою, чтобы онъ далъ мнѣ впередъ; Бестъ ни на минуту не колебался дать 100 франковъ человеку, котораго еще вовсе не зналъ.

Ателье, въ которомъ я работалъ, находилось въ улицѣ S. Maur S. Jermain. Оно состояло изъ двухъ большихъ залъ въ два свѣта; у каждаго окна стоялъ большой круглый столъ, за которымъ работали человекъ по четыре. Всѣхъ граверовъ было

болѣе 40; всѣ французы, за исключеніемъ двухъ испанцевъ, четырехъ итальянцевъ и меня.

Занятія въ ателье начинались въ 8 часовъ утра. Въ 12 часовъ одинъ изъ граверовъ, дежурный по очереди, перекликалъ насъ, при чемъ каждый говорилъ, въ которомъ часу вечера онъ ушелъ вчера и въ которомъ прибылъ сегодня. Послѣ сдѣланной, такимъ образомъ, провѣрки, всѣ граверы уходили куда-нибудь завтракать. Въ часъ по полудни всѣ собирались въ ателье и вновь принимались за работу. Въ это время дежурный садился посреди мастерской на стулъ и громко читалъ какую - нибудь изъ газетъ, такъ что всѣ граверы, не отрываясь отъ дѣла, узнавали, какія происшествія случились въ Парижѣ, что говорено было въ національномъ собраніи и проч. Работали всѣ крайне добросовѣстно. Если, бывало, граверу нужно что-нибудь спросить у другаго, то онъ долженъ былъ проходить безъ всякаго шума. Бестъ приходилъ въ ателье каждый день; а компаніонъ его по < «Magasin Pittoresque» и вообще по ателье, нѣкто Смитонъ, постоянно работалъ вмѣстѣ съ граверами, наблюдалъ, чтобы мы не разговаривали и не теряли понапрасну время. Для обѣда давалось полтора часа. За работу послѣ 8-ми часовъ пополудни полагалась двойная плата и эти часы уже считались особо.

Къ концу мѣсяца приготовлялся расчетъ каждому; плата опредѣлялась съ дюйма, но при этомъ принималось въ соображеніе количество рабочихъ часовъ и достоинство работы.

Въ первое число мѣсяца дежурный граверъ приходилъ въ контору, гдѣ уже были приготовлены свертки съ золотомъ для каждаго съ надписью: «roubleau такого-то»; въ большой сумкѣ приносилъ онъ ихъ въ ателье и выкликалъ граверовъ по очереди.

При расчетѣ никакихъ пререканій никогда не происходило между граверами и хозяиномъ. Да и мѣсто-ли тутъ какимъ-нибудь недоразумѣніямъ, недовольству и т. п.? Здѣсь люди относились другъ къ другу довѣрчиво, честно; порядокъ работъ, образъ жизни и занятій въ мастерской - все это ведется изстари, освящено десятками лѣтъ. При такихъ условіяхъ парижскія ателье имѣютъ громадное значеніе, - это, дѣйствительно, разсадники граверовъ¹⁹.

Въ ателье являлся я къ 8-ми часамъ, а уходилъ въ 4. часа Мои товарищи удивились, когда мнѣ за неполный мѣсяцъ выдано было 320 фр. Получивши такія деньги, я уже принялъ совершенно другой видъ: я узналъ себѣ цѣну. Меня сейчасъ же поставили, какъ я потомъ убѣдился, на ряду съ лучшими граверами, платя мнѣ отъ 10-ти до 30-ти франковъ въ день.

Между тѣмъ, мой чичероне оставилъ меня и поступилъ въ военную службу. Волей - неволей я скоро вынужденъ былъ, такъ или иначе, знакомиться съ французскимъ языкомъ.

Съ самага начала поступленія моего въ ателье всѣ граверы очень интересовались, какъ я работалъ; они постоянно подходили ко мнѣ и старались заговорить. Между прочимъ, имъ хотѣлось знать, почему я ходилъ не въ національномъ костюмѣ; они воображали, что всѣ мы, русскіе, одѣваемся какъ крестьяне, которыхъ они видали на рисункахъ въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. При этихъ распросахъ или разговорахъ, такъ какъ я съ трудомъ, а большею частію и вовсе не понималъ товарищей, то они показывали мнѣ жестами

¹⁹ Число граверовъ во Франціи простиралось въ то время до 3,000; въ одномъ Парижѣ било ихъ около 1,500.

то или другое; они шутили, смѣялись и нарочно повторяли одни и тѣже слова, чтобы я могъ запомнить ихъ. Наконецъ, въ этихъ случаяхъ чрезвычайно помогаль словарь Рейфа, который я таскаль постоянно съ собою. Если я совершенно не понималь вопроса, они на бумажкѣ писали глаголы и указывали мнѣ ихъ въ диксіонерѣ, записочки эти я собираль и дома, послѣ занятій, заучиваль написанныя слова.

Таже система практиковалась и во время прогулокъ моихъ по Парижу. Французы - какъ всѣмъ извѣстно - весьма словоохотливый и обязательный народъ. Напримѣръ, мнѣ нужно что-нибудь спросить, а слова, которое въ вопросѣ, - не знаю; я отыскиваль это слово въ словарь и указываль на него; въ томъ же диксіонерѣ французъ находиль слово, которое слѣдовало въ отвѣтъ. Трудно запоминаемыя слова я подчеркиваль и, придя домой, ночью тоже заучиваль. Такимъ образомъ я выучиль словъ 200 - 300: но видя, что дѣло идетъ плохо, купиль грамматику Шапсаля и началъ съ вспомогательныхъ глаголовъ зубрить ее; мѣсяца черезъ два я могъ объясняться уже безъ помощи словаря, или, по крайней мѣрѣ, рѣдко заглядываль въ него, хотя фразы у меня выходили крайне топорныя. Затѣмъ я взяль учителя - француза, который и довершилъ мое знакомство съ французскимъ языкомъ.

Чтобы избѣгнуть всѣхъ такихъ трудностей, мнѣ слѣдовало бы войти въ сношенія съ русскими художниками, проживавшими въ Парижѣ. Изъ этихъ художниковъ въ то время были тамъ: два барона М. К. и М. П. Клодты, Боголюбовъ, Лагорию, Чернышевъ, Васильевъ, Карнѣевъ, Иковъ, Грузинскій; изъ архитекторовъ: Кенель и Поповъ. Дѣйствительно, я видѣлся съ ними, но скоро отсталъ отъ нихъ, потому что въ ихъ обществѣ приходилось обѣдать, гулять, ходить въ театръ и проч., причемъ мы всѣ говорили по-русски, а мнѣ хотѣлось выучиться французскому языку.

Сначала скука была убійственная. Каждый вечеръ, ложась спать, я даваль себѣ честное слово, что завтра же уѣду изъ Парижа въ Россію, но, проснувшись, не рѣшался на это.

- Какъ же, упрекаль я себя мысленно, пріѣхать въ Парижъ и бѣжать почти невидавши его, не научившись даже французскому языку.

Да, трудно было, очень трудно, но я выдержаль.

За второй мѣсяць мнѣ выдали, кажется, около 800 фр.; съ этого времени я началъ дѣлать портреты. Первою моею гравюрою былъ портретъ извѣстнаго живописца Декана, подѣ нимъ я написалъ свою фамилію по-русски. За это на меня всѣ напали и стали просить, въ видахъ собственнаго моего интереса, чтобы я подписывался по-французски. Дѣло въ томъ, что въ Парижѣ работу мою находили превосходною, удивлялись ей; поэтому интересно было знать, кто гравироваль ее, между тѣмъ русская подпись моею фамиліи казалась какими-то египетскими іероглифами. Въ это время я встрѣтилъ съ Панмакеромъ, который шутя сказаль мнѣ похвальный каламбуръ: «у насъ лучшіе граверы орлы одноглавые, а вы - орель двуглавый, потому что такихъ портретовъ мы не видѣли, это *chet d'oeuvre* искусства».

Слѣдующія работы подписаны были уже по-французски. Я дѣлаль портреты де-Лакруа, Форстера, Энгра, Галеви, Гораса Бернета, Рюда и многихъ друг. У Беста бывали заказы отъ римскаго папы, которые мнѣ тоже приводилось выполнять; работаль въ «Исторіи Испаніи» для Изабеллы, за что Бестъ получилъ, кажется, орденъ; наконецъ, для «Французской исторіи» его изданія и др. При этомъ Бестъ просиль меня, чтобы я не работаль для другихъ издателей, на что я согласился,

такъ какъ онъ хорошо платилъ, да у меня и времени не достало бы. Такъ прошло около полтора года.

Въ это время я зажилъ, какъ говорится, припѣваючи; не скучалъ уже по Россіи; Парижъ сталъ мнѣ очень нравиться. Я посѣщалъ всевозможныя галлерей въ Парижѣ, даже частныя; путешествовалъ по сѣверной Франціи, былъ въ разныхъ городахъ; ѣздилъ въ Испанію до Мадрида, оттуда на Гибралтаръ, въ Малагу и обратно въ Парижъ черезъ Марсель.

Лѣто я проживалъ на дачѣ въ Буживалѣ, мѣсто прелестное, такъ что я былъ очень доволенъ; сюда мнѣ присылали работы изъ ателье, по распоряженію Беста, который собственно и посовѣтовалъ мнѣ поселиться въ Буживалѣ, такъ какъ у меня отъ усиленныхъ занятій заболѣла грудь. Кстати замѣчу, что независимо отъ гравированья на деревѣ, я рисовалъ въ Луврской картинной галлерей.

Съ Бестомъ я былъ уже на дружеской ногѣ. Онъ много спрашивалъ меня о Россіи; хорошо зналъ нѣкоторыхъ изъ русскихъ художниковъ, какъ напримѣръ, Тимма, бывшаго въ 1840-хъ годахъ ученикомъ Гораса Бернета, портретъ котораго я сдѣлалъ тогда въ числѣ многихъ другихъ, вышедшихъ изъ подъ моего рѣзца.

Бестъ былъ граверомъ и главнымъ основателемъ журнала «Magasin Pittoresque», который считается однимъ изъ самыхъ старыхъ и лучшихъ иллюстрированныхъ изданій. Въ 1833 году журналъ этотъ основанъ тремя граверами: Бестомъ, Андреемъ и Лелюаромъ. Въ то время гравировали еще не на деревѣ, а на мѣди, такимъ же способомъ, какимъ теперь гравируютъ на деревѣ, т. е. каждый штрихъ рельефомъ. Такъ продолжалось до 1836 г., когда начали гравировать на деревѣ, по примѣру древнихъ гравюръ Лаврентія Костера, съ тою только разницею, что дерево приготавливалось не въ длину - по слою, а въ торсь. Для этого начали употреблять пальму, какъ самое крѣпкое и мелко - пористое дерево, но это оказалось дорого, и около 1837 г. въ редакціи того же «Magasin Pittoresque» догадались, что самое лучшее дерево для гравированія - это кавказскій букъ: такъ какъ онъ похожъ на пальму, то нерѣдко и слыветъ подъ именемъ послѣдней.

Вообще исторія гравюры на деревѣ интересна. До сихъ поръ съ точностію неизвѣстно, кто былъ первый граверъ на деревѣ: я, по крайней мѣрѣ, не знаю; полагаютъ, что голландецъ Лаврентій Костеръ, который гравировалъ около 1425 года. Затѣмъ гравюра на мѣди вытѣсняетъ гравюру на деревѣ: въ началѣ нынѣшняго столѣтія литографія вытѣсняетъ гравюру на мѣди и наконецъ, съ 1840-хъ гг. гравюра на деревѣ начинаетъ постепенно вытѣснять, въ свою очередь, какъ гравюру на мѣди, такъ и литографію и быстро совершенствуется, а такія художественныя произведенія, какъ, напримѣръ, портреты, которые нынѣ гравируютъ, начались не болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ.

Я прожилъ въ Парижѣ года два. Въ это время, совершенно неожиданно, получилъ я изъ Кіево-печерской лавры заказъ награвировать нѣсколько изображеній разныхъ святыхъ съ лубочныхъ рисунковъ прошлаго столѣтія.

Надо замѣтить, что для лавры я работалъ еще въ бытность мою въ академіи художествъ. Тогда пріѣзжали ко мнѣ два іеромонаха съ предложеніемъ поселиться въ Кіевѣ. Лавра предлагала мнѣ цѣлый небольшой домикъ, лѣтомъ помѣщеніе въ монастырской дачѣ, на берегу Днѣпра; готовое содержаніе, къ услугамъ моимъ, буде понадобится, лошадей изъ конюшенъ митрополита и, независимо отъ всего этого, хорошую плату. Но мнѣ нужно было учиться и я отказался отъ этого весьма выгоднаго для меня предложенія.

Вотъ теперь изъ лавры и обратились ко мнѣ, чтобы я исполнилъ упомянутыя гравюры, съ платою по 3 руб. за дюймъ. Заказъ былъ, очевидно, очень выгоденъ и я принялъ его. Въстѣ съ тѣмъ, черезъ меня, для той же лавры заказаны были Лемерсье большіе хромо-литографированные виды Кіева и Печерской лавры.

Это было въ 1860 году.

Въ теченіе всего 1861 и половины 1862 г. я работалъ заказъ для кіевской лавры; въ іюнь кончилъ его, равно какъ и Лемерсье - заказъ по хромо - литографіи; послѣ этого мы немедленно отправили всѣ эти доски (гравюры) и рисунки въ Кіевъ.

Какъ повѣренный закащикова, я выдалъ Лемерсье, въ уплату за его работы, нѣсколько векселей, на сумму въ нѣсколько тысячъ фр., срокомъ на 3 мѣсяца. Прошелъ мѣсяць, прошелъ и другой, а извѣстія изъ лавры никакого. Я написалъ въ Кіевъ письмо, прося немедленно выслать мнѣ деньги за работы, но отвѣта не получилъ. Между тѣмъ уже и августъ близился къ концу; наступалъ срокъ векселямъ, выданнымъ мною Лемерсье; я телеграфировалъ въ лавру, но и это не помогло.

Въ одно, на этотъ разъ прескверное, утро явился ко мнѣ изъ французскаго банка какой-то господинъ и предъявилъ мнѣ векселя для уплаты. Я сказалъ, что заплатить не могу. Мнѣ дано было сроку до 5-ти ч. вечера, а потомъ векселя должны быть представлены къ протесту. Я отправился къ Лемерсье, который и дисконтировалъ ихъ; векселя были переписаны еще на 3 мѣсяца.

Когда я находился въ такомъ критическомъ положеніи въ Парижѣ, въ то время въ лаврѣ происходило, какъ я потомъ узналъ, слѣдующее:

Я писалъ и телеграфировалъ на имя іеромонаха Тимофѣя, который былъ начальникомъ типографіи и литографіи лавры и который, отъ имени послѣдней, вошелъ со мною въ сношенія. Въ описываемое время, однажды ночью, явился въ литографію жандармскій штабъ-офицеръ съ полицією и понатыми, захватилъ камни и работниковъ, которые, какъ носилась молва, печатали польскія прокламаціи. Упомянутый іеромонахъ и другія прикосновенныя къ дѣлу лица были удалены отъ должностей и отданы подъ строгій надзоръ, а имущество ихъ, вмѣстѣ съ бумагами, опечатано. Вотъ вслѣдствіе такой-то исторіи денегъ мнѣ не высылали; надо было ждать, пока будутъ разобраны всѣ бумаги іеромонаха²⁰. Но это могло затянуться очень надолго. Между тѣмъ, векселя Лемерсье не давали мнѣ покоя.

Въ это время, съ лондонской выставки, пріѣхалъ въ Парижъ новый вице-президентъ академіи художествъ, князь Гагаринъ. Всѣ мы, русскіе художники, не преминули къ нему явиться. Онъ принялъ насъ очень любезно, спрашивалъ, что мы дѣлаемъ, долго-ли каждый изъ насъ намѣренъ тутъ оставаться и куда затѣмъ поѣдетъ? Улучивъ минуту, въ нѣсколькихъ словахъ я рассказалъ князю о своемъ затруднительномъ положеніи по случаю невысылки денегъ изъ Кіево-печерской лавры. Онъ немедля написалъ письмо нашему послу въ Парижѣ, убѣдительно прося оказать мнѣ содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ.

Черезъ три недѣли я получилъ всѣ деньги, какъ свои собственныя, такъ и Лемерсье. Не пріѣзжай князь Гагаринъ въ Парижъ, я не знаю, когда и чѣмъ все это могло бы кончиться.

²⁰ Какъ я слышалъ, изъ-подъ надзора іеромонахъ этотъ бѣжалъ на Афон-скую гору, гдѣ и остался жить. д. Л. С.

Вскорѣ послѣ этого одинъ изъ хорошихъ гравёровъ Парижа - Барбанъ предложилъ мнѣ составить ассоціацію изъ лучшихъ граверовъ и основать ателье на широкую ногу, съ тѣмъ, чтобы я не уѣзжалъ въ Россію, а остался въ Парижѣ. Когда я сказалъ имъ, что я человѣкъ небогатый и не знаю, что можетъ выдти изъ такого предпріятія, то Барбанъ обѣщался гарантировать мнѣ 10,000 фр. дохода въ годъ. Но я все-таки не согласился остаться въ Парижѣ. Меня тянуло на родину, къ старушкѣ матери. Къ тому же, я посланъ былъ за границу на казенный счетъ, слѣдовательно, оставаясь въ Парижѣ, какую же пользу я могъ принести своему отечеству!

Въ февралѣ 1863 г. я простился съ Парижемъ и отправился въ путешествіе. Поѣхалъ въ Швейцарію, былъ въ Женевѣ, гдѣ намѣревался посмотреть Каляма и его знаменитую мастерскую, но Каляма не было въ Женевѣ и я посѣтилъ только его мастерскую и городской музей; отсюда отправился въ Италію; объѣхалъ ее всю до Неаполя; былъ, разумѣется и въ Римѣ, гдѣ посѣтилъ многія частныя галлерей и Ватиканъ съ его знаменитою рафаэлевскою галлереею. Въ сентябрѣ прибылъ въ Германію, а въ началѣ 1864 года возвратился въ Петербургъ.

Въ сентябрѣ (1864 г.) я выставилъ свои работы въ академіи²¹, за которыя, какъ выражено въ официальномъ документѣ, «въ уваженіе искусства и отличныхъ познаній въ художествѣ, доказанныхъ выставленными въ академіи и другими извѣстными работами», мнѣ единогласно дано званіе академика по гравированію на деревѣ. Это былъ первый случай въ Россіи, когда за гравированіе на деревѣ дали званіе академика, и послѣ этого въ теченіи одиннадцати лѣтъ (1864-1875) случай этотъ еще не повторился. Послѣ меня двое лицъ удостоены только званія «свободнаго художника».

По пріѣздѣ изъ за границы моя первая въ Петербургѣ работа была для св. синода по рекомендаціи акад. Ѳ. Г. Солнцева: мнѣ заказано было сдѣлать, по рисунку Ѳ. Г., гравюру антиминосъ, за что я получилъ 900 руб. Потомъ меня завалили работами, причемъ до 1870 г. постоянно высылали заказы и изъ Парижа.

Съ января. 1865 г. мнѣ предложили давать уроки въ школѣ для приходящихъ, помѣщающейся въ зданіи биржи. Я съ большимъ удовольствіемъ принялъ это предложеніе. Мнѣ дали лучшихъ ученицъ для гравированія, между которыми особенно выдавались Кочетова, Стефани, Михальцева, Павлова и А. А. Гаврилова, на которой я въ послѣдствіи (1868 г.) женился и скоро имѣлъ несчастіе ее лишиться: она скончалась въ 1873 г.

Въ 1866 году въ числѣ моихъ работъ самую значительною и по времени, которое я употребилъ на нее, и по тщательности выполненія былъ портретъ Государя Императора, награвированный мною съ высочайшаго соизволенія. Въ октябрѣ 1866 года гравюра была окончена и представлена вице-президентомъ академіи художествъ Его Императорскому Величеству.

Этотъ трудъ удостоился высочайшаго одобренія, а въ декабрѣ того же года (по выдачѣ мнѣ 500 руб. изъ кабинета «въ пособіе безвозвратно»), какъ выражено въ письмѣ г. министра двора: «во вниманіе къ отличному таланту и заслугамъ по усовершенствованію въ Россіи гравированія на деревѣ», пожаловано мнѣ званіе «гравера Его Императорскаго Величества, съ причисленіемъ къ Императорскому Эрмитажу» (безъ содержанія).

²¹ Выставлено было далеко не все, что сдѣлано за границей, такъ какъ я, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ привычки собирать свои работы и хранить ихъ. Это происходитъ отъ того, что, кончая работу, я нахожу ее обыкновенно неудовлетворительною и думаю, что въ слѣдующій разъ сдѣлаю лучше, такъ за чѣмъ де и беречь ее. Л. С.

Въ послѣдніе десять лѣтъ трудовая жизнь моя не представляетъ особо выдающихся фактовъ: гравюры моего рѣзца, появляясь въ это десятилѣтіе въ разныхъ изданіяхъ, хорошо извѣстны моимъ соотечественникамъ и за границей.

Закончу мой разсказъ - повтореніемъ непреложной истины, извѣданной опытомъ всей моей жизни, что трудомъ, терпѣніемъ и энергіей всегда можно достигнуть разъ предположенной цѣли, въ особенности если эта цѣль - служеніе на поприщѣ художествъ и искусства²².

Л. А. Сѣряковъ.

Примѣчаніе. Г. Сѣряковъ проситъ исправить его обмолвку на стр. 362 (примѣчаніе): картина Брюлова: «Взятіе Божіей матери на небо» находится не въ Петропавловскомъ, а въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ. Затѣмъ въ заключеніе разсказа г. Сѣрякова, считаемъ не лишнимъ помѣстить переводъ съ подлиннаго письма знаменитаго гравера издателя «Magasin Pittoresque» - къ бывшему вице-президенту академіи художествъ кн. Гагарину (см. стр. 516). Подлинникъ этого документа хранится въ дѣлѣ о г. Сѣряковѣ, въ архивѣ академіи; за разрѣшеніе просмотра этого дѣла мы весьма обязаны конференцъ-секретарю П. Ѳ. Исѣву, которому и свидѣтельствуемъ глубочайшую нашу признательность. Ред.

Письмо Беста къ кн. Гагарину о г. Сѣряковѣ,

Парижъ.-22-го іюля 1863 г.

(Переводъ съ французскаго). „Князь, въ минуту отъѣзда г. Сѣрякова изъ Парижа, мнѣ пришло на мысль, что лестное письмо, которымъ ваше сіятельство удостоили меня отъ 26-го минувшаго ноября 1862 г., налагаетъ на меня обязанность изложить, въ какой мѣрѣ г. Сѣряковъ отвѣтствовалъ ожиданіямъ и надеждамъ своихъ высокихъ покровителей.

По прибытіи въ Парижъ, г. Сѣряковъ былъ уже замѣчательный художникъ. Исполненныя имъ работы были тѣмъ болѣе достойны вниманія, что ему не были знакомы ни инструменты, нынѣ употребляемыя, ни удобства, способствующія упрощенію и быстротѣ работы. Нимало не колеблясь, онъ обратился ко мнѣ съ просьбою помѣстить его въ мои гравировальныя мастерскія и здѣсь, первый и послѣдній (sic), работая съ молодыми людьми всѣхъ возрастовъ, онъ видѣлъ и наблюдалъ все, что могло способствовать его усовершенствованію въ искусствѣ. Благодаря своему рвенію и неутомимому прилежанію, онъ. въ нѣсколько мѣсяцевъ выучился тому, чему другіе выучиваются въ нѣсколько лѣтъ.

Нынѣ г. Сѣряковъ - отличный граверъ, занявшій первое мѣсто, а работы, довѣренныя мною ему для „Живописнаго Магазина" (Magasin Pittoresque) и для другихъ сочиненій, обратили на себя вниманіе и даже произвели большое впечатлѣніе, ибо ни одинъ граверъ въ Парижѣ не выполнилъ бы ихъ лучше и столь хорошо.

Ваше сіятельство, удостойте вниманіемъ вашимъ нѣсколько портретовъ, пробные оттиски которыхъ, исполненные на механическомъ прессѣ, будутъ

²² Почти всѣ портреты, приложенные къ «Русской Старинѣ» (говоримъ только о гравюрахъ на деревѣ), принадлежать рѣзцу академика Сѣрякова. Назовемъ особенно замѣчательные по художественности отдѣлки: пѣвецъ былинъ - крестьянинъ Рябининъ, герцогъ Курляндскій Биронъ, статсъ-дама Наталья Лопухина, тайный секретарь Петра III - Дмитрій Волковъ. Емельянь Пугачевъ, два портрета Андрея Тимофеевича Болотова, основатель харьковскаго университета Каразинъ, авторъ «Горе отъ Ума»-Грибоѣдовъ, генераль Булатовъ и друг. Ему же принадлежатъ гравюры рисунковъ: «Памятникъ Екатеринѣ», также заглавная виньетка къ «Русской Старинѣ»? старинныя моды, болѣе 60-ти рисунковъ въ Запискахъ Болотова и проч.

повергнуты г. Сѣряковымъ на ваше усмотрѣніе: они выполнены съ такою нѣжностью и съ такимъ совершенствомъ, подобныхъ которымъ нигдѣ не отыщется, а между тѣмъ портретъ, гравированный на деревѣ, составляетъ самый неблагодарный и самый трудный родъ гравировки.

Г. Сѣряковъ жаждетъ знать многое: кромѣ ежедневныхъ своихъ работъ, онъ, въ послѣднее время, занимался всѣмъ, что относится до типографскаго искусства, то-есть всѣмъ, что способствуетъ отчетливому воспроизведенію труда гравера.

Если в. с и высокіе покровители г. Сѣрякова не лишатъ его впредь своей благосклонности, нѣтъ никакого сомнѣнія, что, черезъ немного лѣтъ, въ Петербургѣ будетъ одна изъ первыхъ школъ гравировки на деревѣ, которая поспособствуетъ распространенію вкуса къ иллюстрированнымъ книгамъ.

Благоволите, князь, принять увѣреніе въ глубокомъ уваженіи, съ которымъ и пр. Бестъ».

(См. въ Архивѣ Император. Акад. Художествъ).

Замѣтка профессора [Ө. И. Іордана](#).

Прочитавъ въ «Русской Старинѣ» (томъ XIV, стр. 364—365) рассказъ академика Сѣрякова, озаглавленный: «Моя трудовая жизнь», долгомъ своимъ считаю опровергнуть приведенный имъ, совершенно невѣрный, фактъ, будто въ 1858 году, на экзаменѣ, я помѣшалъ присужденію ему званія академика за выгравированную имъ на деревѣ гравюру: «Невѣріе св. апостола [Өомы](#)».

Это произведеніе Рембрандта, несмотря на небольшой размѣръ свой, есть одно изъ лучшихъ твореній великаго голландскаго художника, украшающихъ императорскій эрмитажъ, но молодой граверъ не былъ достаточно подготовленъ, чтобы воспроизвести его, тѣмъ болѣе, что для гравюры выгоднѣе выбирать картины, замѣчательныя не столько колоритомъ и эффектомъ, какъ силой и оконченностію рисунка. Таково было мнѣніе совѣта академіи въ полномъ его составѣ, а не мое личное, что и высказалось при баллотировкѣ, когда большинство голосовъ не оказалось въ пользу г. Сѣрякова. Покойный [Ө. А. Бруни](#) не разъ говорилъ мнѣ, что ошибся въ выборѣ картины, указанной имъ г. Сѣрякову, и, желая вознаградить его за потерянное время, поддерживалъ его отправленіе за границу на казенный счетъ.

Крайне невѣрно и другое мнѣніе г. Сѣрякова, будто гравированіе на мѣди и стали поддерживается въ нашей академіи искусственнымъ образомъ, и что покойный [Н. И. Уткинъ](#) поощрялъ меня всѣми силами съ цѣлію не уронить это искусство въ Россіи.

Я пользовался совѣтами и руководствомъ [Н. И. Уткина](#) въ качествѣ ученика его, а дальнѣйшими успѣхами на своемъ художественномъ поприщѣ обязанъ единственно трудамъ своимъ и той глубокой преданности своему искусству, которую академикъ Сѣряковъ признаетъ за художниками - граверами.

Профессоръ гравированія на мѣди [Ө. Іорданъ](#).